

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [М. Барро](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Глава I. Великий Инквизитор](#)
 - [Глава II. Инквизиционный процесс](#)
 - [Глава III. Торквемада, мавры и евреи](#)
 - [Глава IV. Преемники Торквемады](#)
 - [Источники](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

М. Барро

**Томас Торквемада (“Великий
Инквизитор”)**

**Его жизнь и деятельность в связи с
историей инквизиции**

Биографический очерк

***Со старинным рисунком “Сожжение
еретиков”***

Сожжение еретиков

Введение

Апологеты инквизиции. – Веротерпимость первых веков христианства. – Начало гонений и первые законы против еретиков. – Августин и его проповедь нетерпимости. – Возвышение папства и крестовые походы как причина зарождения инквизиции. – Лангедок и графы Тулузские – Альбигойцы-катары и альбигойцы-вальденсы. – Происхождение катаризма. – Учение Манеса. – Появление манихеев в Европе. – Богумилы. – Движение их на запад. – Догма катаров и вальденсов. – Первые сожжения еретиков. – Тревога в Риме. – Третий Латеранский собор. – Постановления собора. – Первый поход против альбигойцев. – Неудача предприятия. – Веронский собор. – Новые меры против ереси. – Иннокентий III. – Новая политика Рима. – Легаты и миссионеры. – Св. Доминик. – Разрешительные грамоты Доминика. – Петр Кастельно. – Отлучение Раймонда VI. – Убийство Кастельно. – Перемена римской политики. – Четвертый Латеранский собор. – Падение Лангедока. – Тулузский собор. – Первая инквизиция. – Фридрих II – слуга нетерпимости. – Меры папы Григория IX. – Доминиканцы-инквизиторы

Редкий посетитель обращает внимание на картину Хуанеца в зале испанской живописи петербургского Эрмитажа. Бледны и не кидаются в глаза ее краски, не замысловат и не грандиозен ее сюжет. Это скорее икона, нежели картина. Чуть очерченный на ней клочок земли безжизнен и сух. Художник как бы нарочно удалил из своей картины все, что говорит о земном, о суетном, все, что может отвлечь внимание зрителя от главного центра картины. Этот центр – католический монах. На плечах его черная мантия поверх белой сутаны. Лицо монаха строго. Многочисленные морщины глубокими складками легли около углов его рта, бесстрастно смотрят не то серые, не то голубые глаза. “Суета сует и всяческая суета”, – как будто хочет сказать их обладатель... Левая рука его с какою-то книгой в красном переплете опущена, правая поднята и указывает на извивающийся над головою свиток. На нем латинская надпись: *Timete Deum et date illi honorem, quia veniet hora iudicii ejus* (Бойтесь Бога и воздавайте хвалу ему, ибо приближается час суда его). Этот монах – св. Доминик, латинская надпись – девиз инквизиции.

Верный католик, художник не побоялся запятнать память святого, связав его имя со страшным судилищем инквизиции. Хуанец жил в XVI

веке, а это время было временем пышного расцвета сурового трибунала и почти беспрепятственного его торжества. Им восторгались как лучшим хранителем веры, одни – в простодушии верующих без рассуждения, другие – как орудием порабощения масс, и лишь немногие поднимали свой голос против жестокости “святой инквизиции” – не первый и не последний случай голоса, вопиющего в пустыне... Мало-помалу сложилась легенда, что основатель доминиканского ордена был в то же время первым слугою нетерпимости, и сам папа, канонизируя подвижника, указал на его заслуги как инквизитора. Более восторженные поклонники инквизиции шли еще дальше. Парамо, автор сочинения “О происхождении и развитии инквизиции”, торжественно объявлял, что сам Иегова был первым инквизитором, а первым инквизиционным процессом – суд над Адамом и Евой после их грехопадения. Теперь эта легенда потускнела, скрылись и оробели ее прямые наследники. Теперь католические богословы употребляют все усилия, чтобы снять не только с Доминика, но и с римских первосвященников роль покровителей инквизиции, а всем известные жестокости трибунала объяснить влиянием времени, светских законодательств и прочим. Беспристрастная история не может, однако, поддержать ни этих усилий, ни этих оправданий. Первые века после Р.Х. ни в коем случае не могут быть названы веками гуманности, а между тем в эту пору христианство было совершенно чуждо насилию в делах веры. Первые христианские епископы, следуя завету Учителя и апостолов, увещевали, а не карали, а между тем в то время ереси почти непрерывно сменяли одна другую и несомненно были опасны в эту именно эпоху, когда не окрепло еще здание церкви Христовой. “Христианам не дозволено, – говорил Иоанн Златоуст, – уничтожать заблуждения силою, они могут вести людей к спасению единственно убеждением, разумом и любовью”... Недолго раздавались подобные речи. Когда-то теснимые язычниками христиане сами скоро сделались притеснителями. Водворившись на развалинах древнего мира, они не отказались от уцелевшего среди этих развалин жалкого наследия, и этим наследием была нетерпимость. “Всегда и везде почитай богов по обычаю отцовскому, – учил Меценат императора Августа, – и других принуждай почитать их. Приверженцев новизны преследуй всякими наказаниями, ибо отсюда происходят заговоры, тайные общества и политические секты. Все это вредно для государственного единства”... Эту программу не замедлили усвоить себе и христиане. Только при императоре Константине они и язычники могли свободно исповедовать свою религию, но в 341 году язычество уже считалось преступлением, и его приверженцев поражали мечом. После язычников наступила очередь

еретиков.

Удар был нанесен манихеям, все ближе и ближе продвигавшимся к западу от их родины, далекого востока. Смерть грозила закоренелым adeptам этого учения, смертью грозят им и последующие законы, но уже охватывая и другие виды религиозных кривотолков. В 383 году впервые произносится законодателем императором Феодосием роковое слово “инквизиторы”, и вместе с тем образуется зародыш будущего знаменитого трибунала – суд, куда входили членами инквизиторы и где судили по тайным показаниям. К V веку еретики подавлены целым рядом законов: пятнадцатую – императора Феодосия, двенадцатую – Аркадия, восемнадцатую – Гонория и десятую – Феодосия II. Дальше идти в мерах строгости, казалось, было уже некуда, потому что император Валентиниан III издал только три закона против еретиков. Главным объектом этих законов были все те же манихеи. Их имущество конфисковывалось, у них отнималось право наследовать, торговать и заключать договоры; как государственные преступники они подлежали смертной казни. Других еретиков сперва увещевали и, в случае успеха увещевания, налагали на них лишь церковное покаяние. Иначе грозили огромными штрафами, конфискацией, наказанием плетью, ссылкой на пустынные острова и только в особо тяжких случаях – смертной казнью по усмотрению местных властей.

Обыкновенно все эти меры возникали вследствие ходатайства епископов, взывавших к правительству о защите дела церкви. Но живо было еще предание о мерах кротости с заблудившимися в первые века христианства, и когда усердие преследователей осуждало на смертную казнь то того, то другого еретика, епископы забывали о своих воззваниях к власти и спешили умиловить ими же призванную карающую руку. Но дело нетерпимости, раз начатое, должно было все расширяться и расширяться. Церковь постепенно теряла древнюю добродетель и потому ревниво наблюдала за всякой попыткой критики, быстро принимавшей в глазах духовенства характер ереси и раскола... Приблизилось наконец время, когда преследование иноверующих сделалось требованием религии. Этот решительный поворот на новую дорогу был совершен св. Августином.

До 32 лет Августин сам был последователем манихейства, но после оставил это учение. Он признавал также вначале свободу совести, но и от этого отказался. Он пришел к заключению, что этот путь не спасителен, что не все способны воспринимать слово убеждения, и потому необходимо иногда прибегать к воздействию страхом и наказанием. Августин опирался на пример самого Бога: Он страданиями воспитывает людей, и на примере

родителей: они наказывают своих детей. Любовь, говорил он, нередко действует строгостью, и удары друзей бывают полезнее, нежели ластивые поцелуи врагов. Принуждение является спасительным лекарством, не применять его, значит воздавать злом за зло. Если мы видим, говорил он еще, врага, бегущего к пропасти в припадке безумия, не следует ли скорее удержать его силою, нежели допустить упасть и погибнуть?.. Таким образом, по мнению Августина – неоспоримого авторитета в глазах католиков, – нетерпимость являлась актом человеколюбия, спасением погибавшего. Нелишне отметить, что обратное мнение в эту пору было уже достоянием еретиков: за свободу совести стояли донатисты, с которыми неусыпно боролся Августин. Он находил при этом опору даже в Евангелии, в известной притче о пире, куда было много званых, но мало избранных (Ев. от Луки, гл. XIV, ст. 16 – 23). Как известно, званые гости не пришли, отговариваясь мирскими делами, и хозяин поручил своему рабу собрать гостей по дорогам и перекресткам. “*И убеди внити*”, – сказал он слуге. Но эти слова в латинской вульгате были переведены словами *compelle intrare* – *понудь их войти*, и на них опирался Августин, проповедуя меры строгости и наказания. После него уже не оспаривали этого, но принимали как непреложную истину, хотя несомненно она была лишь повторением совета язычника Мецената – “и понуждай других”.

Тем не менее до XIII века борьба с ересями имела характер временный, периодический. Она возгоралась, когда духовенство приобретало влияние в правящих сферах, и потом затихала с потерей этого влияния. Часто противоречившие друг другу интересы светской и духовной власти лишали эту борьбу необходимых средств для наказания ослушников церкви: еретик в одном государстве бывал обласкан в другом, и наоборот. Возвышение папства постепенно устранило возможность подобного убежища. Когда римские первосвященники стали отнимать и раздавать короны, для них ничего не стоило уже “понудить” правительства преследовать их подданных – еретиков. Таково было папство после Григория VII. Но и тогда все зависело еще от характера римского первосвященника. Делу будущего предстояло создать нечто независимое от личности. Этим нечто была инквизиция... Приближалось время ее рождения. Крестовые походы против неверных Востока, на защиту Гроба Господня, мало-помалу укоренили в умах понятие о богоугодности преследований врагов религии. Массы были наэлектризованы. Повсюду быстро возникали монастыри с суровыми уставами, носились слухи о скором наступлении Страшного суда. Мысль о спасении витала в восторженных умах, мысль о подвиге во славу религии, во исцеление души

и тела. Оставалось только указать арену для этих подвигов, и за этим дело не стало. С высоты папского престола уже наметили для них новую область, и скоро полилась кровь верных и неверных, на этот раз уже на Западе.

От правого берега Роны и дальше на запад, в нынешнем Лангедоке, в XIII столетии лежали владения графа Тулузского Раймонда VI. Под благодатным небом юга здесь процветало едва ли не единственное в то время царство веротерпимости и свободы. Богатые города с Тулузой во главе, сильные своим самоуправлением, наследием когда-то царивших здесь римлян, представляли странное для того времени смешение личностей различных вероисповеданий, правоверных католиков с признанными врагами католической церкви. И никто не возмущался здесь отсутствием господствующего культа, все считались равноправными гражданами и одинаково охранялись законом. Рядом со строгими сектантами здесь проживали, переходя из города в город, от замка к замку, знаменитые трубадуры, воспевавшие любовь, красавиц и покровителей свободы. Веротерпимость и поэзия, как два добрых гения, царили в этой стране, вместе с благодатными лучами солнца поселяя везде мир и довольство. И не одна пара завистливых глаз соседних владетельных баронов жадно устремлялась к богатым городам Лангедока, а по ту сторону Роны, у престола и на престоле римских первосвященников, давно закипала ненависть к этому гнезду ересиархов.

Там не могли простить, что среди подданных графа Тулузского спокойно проживали еретики-альбигойцы, как называли их общим именем от города Альби в провинции Альбигуа, на самом деле распадавшиеся на два самостоятельных толка – катаров и вальденсов... На юге Франции ересь катаризма возникла не самобытно. Она пришла сюда с Востока после долгих попутных остановок и метаморфоз. Исходный пункт ее – учение Зороастра, развитое и дополненное его учеником Манесом. Манес был родом из Индии. Год его рождения – в начале III века, школа его ума – персидские маги, александрийские неоплатоники и гностики, догма – евреев и христиан. Поэт, мистик и философ, он не удовлетворился ни одною из существовавших религий и взял на себя миссию основания новой. Приемы этого основателя религии напоминают приемы Магомета. Он заимствует и примиряет учения своих предшественников, из разнородных чужих основ создает новую, свою собственную. От Зороастра он сохранил главное – дуалистическое воззрение на мир и природу человека как сочетание добра и зла. Из Индии он вынес пантеизм – одухотворение всего сущего, от христиан – величественный образ

Искупителя. Священные книги евреев Манес отверг. Их идеи о Божестве казались ему нечистыми, ложными и даже оскорбительными для Божества, их мораль – недостаточно совершенною и несогласною с святостью Бога. Они не содержат в себе, говорил он, ничего о вечной жизни, а временные обещания их, например, умножение потомства, могут действовать лишь на низменную сторону человека. Манес отрицал также пророчества о Спасителе, считал ложным и абсурдным библейский рассказ о сотворении мира и падении человека, не признавал священными религиозные обряды евреев и относился критически к Новому Завету. Он не признавал Деяний апостолов, относительно же Евангелия говорил, что оно написано не самими апостолами, а по их рассказам, причем опирался на заглавия “от Матфея”, “от Луки” и т.д. (по-французски *selon*, по-гречески *хата*). Отсюда происходили, по его мнению, ошибки и противоречия, отсюда же проистекала необходимость очистить Евангелие, восстановить его первообраз. Чтобы достигнуть этого, Манес отвергал рождение Спасителя от женщины, рассказ о Его обрезании, о принесении Им жертвы, рассказ о пребывании в пустыне, об искушении дьяволом, наконец все, взятое из Ветхого Завета. Все это Манес урезал и изменил согласно своей доктрине.

Два начала: Бог и Сатана, первый – добрая, второй – злая сила, виновники существующего, – такова была альфа этой доктрины. Сатана создал тело человека. Бог одарил последнего разумом, душою. В этом причина двойственности человека, вечной борьбы составляющих его элементов, духовного и телесного. С течением времени грех овладел человеческим родом. Чтобы спасти этот род, добрый Бог сошел на землю под именем Христа и под видом человека. По наущению Сатаны евреи предали его смертной казни, но страдания Христа были только видимыми, в них – указание пути к спасению посредством очищения от земных привязанностей и страстей. Души людей, не воспользовавшихся при жизни этим указанием, переходят в другие тела, даже в животных и растения. Достигнув таким образом известной степени совершенства, они окончательно отрешаются от земной оболочки, водворяются на Луне и там очищаются водою в течение 15 дней, затем в царстве Солнца – небесным огнем. Очищение всех душ будет концом этого мира – такова омега учения Манеса.

Обаяние религиозных воззрений Манеса лучше всего подтверждается распространением его учения. Сохраняя свою основу и видоизменяясь лишь в частности, оно постепенно продвигалось на запад. В Европу оно перебралось при императоре Цимисхии с ересью павликиан и прочно утвердилось в нынешней Фракии, в окрестностях Филиппополя. Соседство

со славянами, издревле склонными к дуализму, придало новые силы учению Манеса. В V веке оно дало новый религиозный побег – богумильство, по имени основателя секты Богумила. Богумилы выработали почти все, что мы встретим на юге Франции. Из Болгарии богумильство проникло в Италию, в северную часть ее, Ломбардию, а потом, перешагнув Альпы и Рону, – в благодатные провинции южной Франции. Таково было происхождение катаризма среди подданных графа Тулузского. Само имя катары (от греческого слова *καθαρος* – чистый) было усвоено французскими еретиками по преемству от болгарских богумилов. Обозрение их догматов еще более подтверждает их родство со славянской ересью как развитием манихейства и вместе с тем объясняет ту ненависть, которую они возбуждали в Риме.

Мир вещественный и тело человека катары считали творением дьявола, злого Бога, творца и князя сего мира, как записали тулузские инквизиторы. Лишь невидимое и вечное, учили они, – дело рук Бога доброго. К римской церкви они относились с презрением. Она была для них “базилика дьявола и синагога сатаны”. Лишь в лоне их учения возможно было спасение. Никакие таинства римской церкви они не считали священными. Тело Христово в св. причастии было для них простым хлебом, крещение бесцельно, духовная иерархия как собрание грешников бессильна руководить человеческою совестью. Они учили, что воплощение Иисуса Христа было лишь видимое, что он никогда не унизил бы себя до рождения от женщины. Крест они считали не заслуживающим почитания, потому что он – символ страданий Господа, а никто, говорили, они, не почитает ярмо, возлагавшееся на его отца. Воскресение мертвых они отрицали и, подобно манихеям, верили в переселение душ. Они верили, что душа человека переселяется даже в животных, отсюда запрет у них на мясо, так как, убивая животное, катар мог лишиться этим душу возможности очиститься. Брак катары не признавали божеским учреждением. Если они не отвергали его окончательно, то лишь снисходя к слабостям человека и главным образом потому, что рождение новых людей давало переселяющимся душам средство очиститься, создавало новые формы для их водворения. Подобно богумилам, катары соблюдали обряд рукоположения, так называемое *consolamentum*. Клятва им запрещалась. Перед судом инквизиции один альбигоец объявил, что не поклянется даже в том случае, если от этого его религия из гонимой станет торжествующей. Владение каким-либо имуществом катары считали греховным. Это была, по их словам, ржавчина души, и они отрекались от нее, называя себя нищей братией, *nos pauperes Christi*^[1]... Такой аскетический склад катаризма делал

это учение непригодным для массы, отсюда компромиссы, например, отрицание и разрешение брака. Основная цель их учения – духовное совершенство и нищенство – могла быть доступна лишь немногим, отсюда разделение катаров на совершенных и верующих. Совершенных было немного, всего четыре тысячи, по счету инквизиторов. Это были истинные блюстители катаризма. Они отрекались от имущества, от семейных и родственных уз. Даже католики ставили их в пример своему духовенству, так безупречно строга была жизнь совершенных. Четыре раза в год они постились в течение 40 дней, каждую неделю в году три раза ели только хлеб с водою. Простая одежда черного цвета и сумка через плечо с Евангелием на провансальском наречии – таковы были отличительные признаки совершенных. Жизнь остальных катаров, или верующих, была далеко не так сурова. Они могли жениться, могли носить оружие и владеть имуществом, но хоть под конец жизни, и даже предпочтительно под конец, все-таки принимали *consolamentum*, дабы спасти его от греха, а обряд от поругания... Совсем иная была догма вальденсов, от имени Вальдо, основателя этой секты. Это были рационалисты, чуждые всякого мистицизма, чего нельзя сказать об альбигойцах-катарах. Они верили в триединого Бога, признавали таинства причащения и крещения, но, подобно катарам, восставали против почитания икон и ненавидели римскую церковь. Она была для них вавилонскою блудницей, бесплодною смоковницей, которую проклял Спаситель. Здесь, вероятно, главная причина, почему их смешивали с катарами. Обе секты очень быстро распространились на юге Франции. Раньше них здесь господствовали ариане, присцилиане, одновременно с ними петробрусиане, по имени проповедника Петра из Брьюи. Такое множество сект благоприятствовало развитию в населении духа терпимости, некоторого религиозного индифферентизма и наконец отступничества от правоверной католической церкви. К тому же невежество и порочность духовенства этой церкви не представляли никакого нравственного отпора ересьям и только давали повод к обличительным речам еретических проповедников и вольным песням трубадуров... Но гром все-таки грянул над Лангедоком. “Вавилонская блудница” оказалась не совсем погруженной в суету сего мира, “проклятая смоковница” – еще полною сил и цветущей...

В 1020 году в стенах Тулузы происходили первые сожжения еретиков. Через два года то же самое повторилось в Орлеане. Тогда погибло тринадцать еретиков, к великой скорби церкви, все тринадцать – священники. В 1146 и 1163 году те же костры пылают в Германии, освещая бдительному оку места, пораженные ересью. В Риме поняли наконец, как

запустел вертоград религии... В 1179 году папа Александр III созвал в Риме так называемый третий Латеранский собор и произнес отлучение против еретиков Гаскони, “земель Альби и Тулузы”, “потому что, – говорилось в постановлении собора, – эти еретики не скрываются уже и не остаются спокойными, но дерзко проповедуют свои заблуждения и совращают простых и слабых”. Нож анафемы поражал одновременно королевства Аррагонию и Наварру. Тамошние еретики и их покровители обвинялись собором даже в преследовании правоверных, в осквернении церквей, в обиде вдов и сирот. Папа призывал верующих не иметь с еретиками никаких сношений, позволял нарушать договоры с ними, употреблять против них оружие и конфисковывать их имущество, а христианским правителям – обращать их в рабство. “Хотя церковь, – говорилось в 27-м постановлении собора, – следуя св. папе Льву, довольствуется часто одним судом первосвященническим и не принимает кровавых мер, однако он может быть вспомоществуем и мирскими силами, *дабы страхом казни побудить людей следовать духовному врачеванию*. А так как еретики, которых одни называют катарами, другие патернами, прочие павликианами (павликианами), – так смутны были еще в это время сведения римской церкви о ее врагах, – сделали великие успехи в Гаскони, Альбигуа, земле Тулузской и иных местах, то мы предаем анафеме их с их покровителями и сообщниками и запрещаем всякому, кто бы то ни был, иметь с ними общение. Если они умрут в грехе, то никогда не поминать их и не хоронить между христианами”.

Во исполнение постановлений собора в Лангедок был предпринят крестовый поход под начальством кардинала Генриха. И крестоносцы, и их противники не уступали при этом друг другу в жестокости, но торжествовать церкви все-таки было не суждено, и ереси, казалось, даже размножились. Таково было впечатление папы Люция III, когда, изгнанный римлянами, он укрылся в Вероне. Это было в 1185 году.

Устрашенный многочисленностью еретиков, Люций открыл собор и, подтвердив прежние постановления и отлучения, повелел в виде новой меры, чтобы епископы по крайней мере один раз в год объезжали епархии, зараженные ересью, и присягою обязывали зажиточных граждан, числом от трех до четырех и более, высматривать и выдавать еретиков суду епископов. Светские власти приглашались при этом оказывать содействие розыску, короли, князья, графы и бароны – под страхом отлучения и лишения земель, города – под страхом отнятия привилегий и той же анафемы. Назначение епископов, специальных ведателей ереси, заставило некоторых историков считать 1185 год годом возникновения инквизиции,

но это мнение справедливо оспаривается на том основании, что в эту пору не было еще речи об инквизиции как постоянном судилище. Возникновению этого судилища должна была предшествовать кровавая драма на юге Франции, падение Лангедока и покровителей ереси графов Тулузских.

Пролог этой драмы начинается 9 марта 1198 года. Римский престол занимает в это время Иннокентий III, олицетворение ума и энергии, настоящий наследник Григория VII и, как казалось сначала, терпимости первых лет христианства... Мирно и кротко звучала первая булла Иннокентия. Он говорил в ней о “чуме, распространенной в Гаскони и соседних землях”, но, призывая к борьбе с нею, предлагал пользоваться только мерами, которые будут в пределах духовно-церковной власти. Лишь в крайнем случае разрешал он прибегать к силе светского меча. Он не изверился еще в силе убеждения и 22 сентября, в первый год своего первосвященства, снял отлучение с графа Тулузского Раймонда VI, пораженного анафемой в качестве покровителя ереси. Как вестники нового направления папской политики в Лангедок были посланы не крестоносцы, а легаты. В Риме забывали, однако, что у ереси была своя история, что, возникнув постепенно, эта ересь лишь так же постепенно могла уничтожиться. От легатов ожидали скорых известий об успехе, но вести приходили печальные... Раймонд VI, говорили они, остался все тем же покровителем ереси, все так же равнодушен к католической вере. Он водит с собою в церковь шута, который издевается над церковною службой, он дружит с еретиками, ходит на их собрания, принимает благословение от совершенных... Иннокентий приписывал это неумению легатов. Он решил послать новых: Петра Кастельно, Рауля и аббата Сито, Арнольда. В помощь легатам в качестве миссионеров были присоединены двенадцать цистерцианских монахов, а в 1206 году – и знаменитый подвижник святой Доминик. Вот почему апологеты инквизиции считают его основателем этого трибунала. Автор “Божественной комедии” в XII песне “Рая” заметно разделяет это воззрение, когда говорит о Доминике:

*С железной волей, праведен и строг,
Он ринулся, как с гор крутых поток,
В открытую борьбу с еретиками,
Которые зловредны для других,
Которые над слабыми умами
Имели власть и развращали их.
И от него другие побежали*

Ручьи и сад церковный орошали.

Легенда об инквизиторстве Доминика сложилась как результат понятного желания его мнимых преемников поставить во главе своего дела лицо, привлекавшее общие симпатии, освятить это дело именем великого подвижника и тем узаконить существование инквизиции.

Историческая справка разрушает эту тенденцию. Прежде всего в 1206 году еще не было и речи об инквизиции, был только дух ее, дух нетерпимости, носившийся над головами еретиков. Наконец, обязанность Доминика и его сподвижников заключалась в обращении еретиков путем увещевания, а меры строгости носили характер эпитемии, то есть чисто церковный характер. Об этом говорит дошедшая до нас разрешительная грамота, прототип инквизиционных примирений с церковью, данная Домиником в 1209 году.

“Всем верным христианам, – так начинается эта грамота, – к которым достигнет это послание, брат Доминик, каноник из Осмы, малейший из *проповедников*, приветствие о Иисусе Христе. В силу власти, данной аббату Сито, легату апостольского престола, которого мы служим представителем, мы возвратили в лоно церкви предъявителя сей грамоты Понса Рожера, оставившего по милости Божией секту еретиков. Так как он дал нам клятву исполнять наши приказания, причем священник, обнажив его, будет бить розгами на всем протяжении от городских ворот до церкви. Для покаяния мы налагаем на него на всю жизнь пост и запрещаем ему есть мясо, яйца, сыр и всякую животную пищу, исключая дней Пасхи, Троицы и Рождества, в которые он может есть все. В знак отвращения от своей прежней ереси, три поста в году он должен воздерживаться даже от рыбы, три раза в неделю, пока жив, воздерживаться от мяса, рыбы и вина, допуская облегчение только в случае болезни и изнурительных работ. Он должен будет носить церковное платье по покрою и по цвету, с двумя маленькими крестами, нашитыми на груди. Всякий день он будет слушать мессу, если то окажется возможным, а по праздникам и воскресеньям вечерню. Он в точности должен исполнять утренние и вечерние молитвы, читать “Отче наш” семь раз утром, десять раз вечером и двадцать в полночь, жить целомудренно и настоящую грамоту вручить своему приходскому священнику. Последнему приказываем наблюдать за поведением Рожера, который должен исполнять в точности все, что ему предписано, пока господин легат не изъявит своей воли. Если же означенный Понс того исполнять не будет, то мы приказываем смотреть на него, как на

клятвопреступника, еретика, отлученного, и удалять его от общества верных”...

В другой своей грамоте, от 1214 или 1215 года, Доминик разрешает Раймонду Альтароне, обращенному еретику, в облегчение эпитемии, “носить такое же платье, как и все христиане, так же, как и Вильгельму Угунье”... Нетрудно видеть из обоих документов, как малоосновательны предположения об инквизиторском характере миссионерской деятельности Доминика. В области церковной дисциплины, в этой деятельности нет ничего нового, а потому нет основания выводить и самого деятеля из этой сферы в совершенно чуждую ему сферу инквизиции. Ничто не говорит также о нетерпимости Доминика. Нет никаких источников, которые рисовали бы его как сурового проповедника, выходящего за пределы увещевания. Те розги, которые прописывались в эпитемиях Доминика, нельзя считать таким выходом, потому что, как одежда кающихся, это был лишь атрибут покаяния. Иначе поступали легаты Иннокентия. Сам выбор этих легатов не обещал ничего хорошего. Петр Кастельно был фанатиком. Он не проповедовал, а боролся. Это он именно “ринулся, как с гор крутых поток, в открытую борьбу с еретиками”. Его слова раздражали противников, но легат как будто искал себе смерти... Медленная победа над ересью, присоединение обращавшихся, сперва единицами, как это делал Доминик, не удовлетворяло Кастельно. Он видел одно лишь упорство, и в этом смысле доносили папе... Под влиянием этих известий, в 1207 году Иннокентий приказал еще раз побудить Раймонда к поддержке веры и затем отлучить его от церкви. Исполнение папской воли было возложено на того же Кастельно. Раймонд был раздражен этим новым натиском из Рима, легат – почти в экстазе под обаянием своей миссии. При таких обстоятельствах они встретились в Сен-Жиле.

– Теперь, граф, – торжественно сказал Кастельно на уклончивые ответы Раймонда о преследовании еретиков, – я объявляю тебя клятвопреступником и беззаконником, гнев Божий да разразится над тобою. Я отлучаю тебя от церкви. На всех землях твоих отныне интердикт. С этого дня ты – враг Бога и людей. Подданные твои разрешаются от присяги, и тот, кто свергнет тебя, поступит справедливо, очистив престол, опозоренный еретиком.

– Повесить негодя! – вскричал в бешенстве граф.

– Именем святого посланничества моего, – продолжал Кастельно, – которое меня осеняет, я запрещаю всякому поднять руку на помазанника Господа.

Во всей фигуре легата и в тоне, которым он говорил, было столько

величия, что никто не решился исполнить приказ Раймонда, и легат удалился. Утром 15 января 1208 года Кастельно был уже близ Роны. Отслужив краткую мессу вместе со спутниками-монахами, он отправился к перевозу. Их ждала лодка с двумя гребцами.

– Если вы не еретики и не жида, – сказал гребцам Кастельно, – то не откажите дать убежище проповеднику святого Евангелия, который бежит из земли гонения.

Он занес ногу, собираясь войти в лодку, но один из гребцов, как бы желая помочь ему, вдруг ударил его кинжалом. Легат опрокинулся навзничь и со словами: “Да простит их Господь, как я их прощаю”, – скончался на руках провожавших.

Весть об этом убийстве, по общему мнению, подстроенном Раймондом, отозвалась ужасом даже в еретическом Лангедоке. В Риме она послужила сигналом к новой политике Иннокентия. Буллой 6 марта того же года папа не только подтвердил отлучение Раймонда, но в то же время разрешил всякому верному католику овладеть его землями и преследовать его личность. С этого момента начинается политическое падение Лангедока и заря инквизиции. В 1215 году 11 ноября, когда открылись в Риме заседания четвертого Латеранского собора, Раймонд только по имени был графом Тулузским.

“Граф Тулузский, – решено было затем собором, – с давних пор и по разным причинам признанный неспособным управлять страной *в интересах веры*, должен быть навсегда исключен от государствования и жить вне земли своей, в приличествующем ему месте. Там, принеся достойное покаяние по грехам своим, ежегодно он будет получать 400 серебряных марок на содержание”...

Преемником Раймонда назначался граф Симон Монфор, счастливый предводитель крестового похода, эпилогом которого был Латеранский собор. Оставалось судить еретиков, не погибших среди военной тревоги. Но торжество религии еще раз было отсрочено. В мае 1216 года сыну Раймонда Раймонду VII удалось поднять восстание и свергнуть ненавистное иго Монфора. Тринадцать лет тянулась еще агония Лангедока, до 12 апреля 1229 года. В этот день в Париже происходила торжественная церемония: Раймонд VII присягал на верность французскому королю и обещал быть верным и послушным слугою короля и церкви, до самой смерти своей сражаться с еретиками, их единомышленниками и укрывателями, не щадя ни родственников, ни друзей, ни вассалов, и вполне очистить свою землю от ереси.

“Обещаем, – говорилось в договоре Раймонда, – произвести без

замедления должный суд над еретиками и приказать нашим байльи тщательно разыскивать как их, так и единомышленников их и укрывателей; для облегчения розыска обязываемся платить в продолжение 2 лет по две серебряных марки, а потом по одной всякому, кто представит еретика, осужденного епископом”...

В ноябре того же года в Тулузе, едва остывшей от пролитой крови, был созван собор для принятия мер к истреблению альбигойцев. Во всех приходах, по решению этого собора, учреждалась постоянная комиссия из приходского священника и двух или трех выборных граждан. Члены комиссии обязывались разыскивать еретиков и с этой целью осматривать все дома, от чердака, до погреба, и даже подземелья. Владельцы земель и все верные католики обязывались тем же, первые – под страхом лишения земель и предания суду, вторые – по долгу благочестия. Все арестованные отсылались к епископу для определения, действительно ли они еретики или верные католики. В первом случае дом, где жил признанный еретик, подлежал немедленному уничтожению. Если арестованный отрекался до суда от ереси и притом чистосердечно, его высылали в католические города с обязательством носить на одежде два нагрудных креста цвета, отличного от платья. Такие еретики назывались “крестоносцами по вере” и не могли быть приняты ни на какие должности без разрешения папы или его легата. Еретики, отрекавшиеся от заблуждений лишь из страха наказания, заключались в тюрьму и содержались там на счет конфискованного у них имущества, а в случае бедности – на счет епископов. Для упорных был один выход из тюрьмы – на костер.

Таковы были меры пресечения ересей, но не забыты были и меры предупредительные. В виде мер предупредительных тулузский собор постановил, чтобы все мужчины, начиная с четырнадцати лет, и все женщины с двенадцати давали клятву и повторяли ее каждые 2 года, что будут хранить святую католическую веру, доносить на еретиков и преследовать их. Те же предупредительные меры требовали, чтобы всякий католик исповедовался и причащался каждый год три раза: на Рождество, Пасху и Троицу – и не держал бы на дому ни Ветхого, ни Нового Завета. Собор позволял мирянам иметь одни лишь богослужебные книги и псалтырь, но не иначе как на латинском языке. Священникам вменялось в обязанность оберегать причащенных ими больных от совращения с пути истины и присутствовать при совершении завещаний, без чего последние считались недействительными. Священники должны были также присутствовать при погребении усопших, а главы семейств по праздникам и воскресеньям непременно бывать в церкви, выстаивать обедню и

выслушивать проповедь. Не исполнявшие этого постановления подлежали штрафу в 12 денариев, половина которого отдавалась владельцу земли, где проживал провинившийся.

Все эти меры дают полное право считать 1229 год первым годом инквизиции и годом первого инквизиционного процесса. Такой процесс еще во время тулузского собора был возбужден для примера и выработки процедуры против некоего синьора Пейрпертюза и барона Неро де Ниорта. Оба были заподозрены в ереси, что подтверждалось свидетелями, и потому обязывались покаяться в течение 15 дней под страхом отлучения и конфискации. Уже с этого процесса определилось лицо святой инквизиции. В суд была позвана масса свидетелей, но обвиняемые не сводились с ними на очную ставку, чем очевидно поощрялась возможность ложного свидетельства. Свидетелям задавали массу вопросов, пытаясь сбить их в показаниях, и нередко обращали таким образом из помощников правосудия в подсудимых. Доносы были узаконены постановлениями собора, и ими пользовались почти как явными обвинениями уже в эту раннюю пору инквизиции.

С 1229 года начинается эпоха так называемой первой инквизиции. Ее отличие – участие епископов как судей и карателей ереси. Не одно падение Лангедока послужило на пользу ее учреждения. В 1220 году, то есть за девять лет до тулузского собора, император германский Фридрих II, один из самых светлых умов своего времени, совершенно неожиданно явился сторонником нетерпимости и рядом законов определил тяжелые наказания еретикам. Политические волнения, непрерывно наполнявшие его царствование, и, как ирония судьбы, ссора с папой вплоть до проклятия не дали ему возможности настоять на исполнении этих законов. Но папы воспользовались постановлениями Фридриха. Они служили для них разрешением ввести инквизицию в Италии и даже попытаться утвердить ее в Германии. Так поступил папа Григорий IX в 1231 году, с буллы которого, помеченной этим годом, начинается распространение инквизиционных трибуналов по всему Апеннинскому полуострову, исключая Неаполь и Венецию. С этого же времени ведатели и судьи ересей формально называются инквизиторами, установленными церковью, *inquisitores ab Ecclesia dati*. Роль этих инквизиторов уже с 1229 года предпочтительно занимают доминиканцы, потому что при самом своем образовании орден этих монахов имел целью проповедовать слово Божие, откуда другое название ордена – ордена проповедников. Однако рядом с ними выступали и другие, францисканцы и бенедиктинцы, последние в лице клюнийского приора Этьена в 1233 году. Лишь в 1243 году папа Иннокентий IV

окончательно утвердил за доминиканцами исключительное право на пополнение рядов инквизиторов. По словам Геффле, эта привилегия впервые укрепилась за ними в Испании. В Испании же суждено было инквизиции получить дальнейшее развитие и сделаться орудием не только религиозной, но и политической нетерпимости. Эта новая эра начинается в 80-х годах XV столетия. Девиз ее деятелей – едино стадо и едина вера, а самый яркий представитель этих деятелей – Торквемада.

Глава I. Великий Инквизитор

Иоанн Торквемада. – Рождение Фомы Торквемады. – Два рассказа о первых годах его жизни. – Монастырская жизнь Торквемады. – Назначение его приором. – Торквемада – духовник Изабеллы. – Смутное время в Кастилии. – Изабелла – наследница кастильской короны. – Фердинанд V, ее муж. – Соединение Кастилии и Арагонии. – Роль Торквемады в этом событии. – Его смирение и религиозная ревность. – Значение Торквемады в истории инквизиции. – Первые трибуналы в Испании. – Николай Эймерик – Инквизиция в Кастилии. – Ее падение и возрождение. – Булла 1478 года. – Попытка действовать убеждением. – Катехизис Мендоцы. – Pamфлет еретиков. – Севильская инквизиция. – Деятельность Морилло и Мартена. – Многочисленность их жертв. – Грамота милосердия. – Квемадеро. – Бегство мараносов. – Апелляции в Рим. – Протест Сикста IV. – Торквемада – “великий инквизитор”. – Генеральная юнта инквизиторов. – Первые законы Торквемады. – Недовольство испанцев. – Убийство Арбуэ. – Казни заговорщиков. – Новые волнения. – Чествование памяти Арбуэ. – Роль Торквемады в подавлении недовольства. – Письмо Сикста

Среди блестящих представителей католической церкви на Констанцском соборе, осудившем Гуса, как надежда этой церкви обращал на себя внимание молодой доминиканец Иоанн Торквемада. Благочестивая ревность его в борьбе с еретическою догмою доставила ему впоследствии звание кардинала и красноречивый титул “защитника веры”... У брата этого Торквемады, синьора Петра-Фердинанда, в небольшом городке Старой Кастилии – Торквемаде (по известиям других – в Вальядолиде, и третьих – в Сеговии), около 1420 года родился сын Фома, затмивший славу своего дяди кардинала.

Известия о первых годах его жизни разноречивы. По словам Лавалле, это была богато одаренная натура, с умом почти гениальным, но страстного и неровного характера. Фоме дали хорошее воспитание, но выбор житейской дороги был решен впоследствии самим Фомою. До этого времени он путешествовал по Испании или, вернее, переезжал из города в город, был в Саламанке, Толедо и Кордове. В Кордове он увлекся какой-то красавицей, но эта красавица предпочла ему мавра и вместе с этим мавром удалилась в Гренаду. Отсюда, по словам Лавалле, начало ненависти Торквемады к завоевателям Испании... Из Кордовы Фома направился в

Сарагосу с тем, чтобы оттуда перебраться в Барселону и там при первой возможности сесть на корабль и отплыть в Италию, в столицу папы. Но все вышло иначе. В Сарагосе происходили в это время публичные диспуты доминиканцев, и весть об этих диспутах сейчас же привлекла туда молодого путешественника. Он был уже достаточно сведущ в теологии, а потому не побоялся вступить в препирательство с самим доминиканским приором Лопецом из Серверы. Молодой оппонент обнаружил при этом такие познания – явление редкое среди испанского духовенства описываемой эпохи – и такой дар красноречия, что изумленный Лопец решил привлечь его в свой орден... Так повествует Лавалле о первых шагах Торквемады.

У Турона читаем другое. По Турону, Фома еще юношей поступил в монастырь св. Павла в Вальядолиде, принадлежавший доминиканцам, и с первых дней обратил на себя внимание суровым образом жизни. Скоро весть об этом разнеслась по Кастилии. Толпы богомольцев спешили к Торквемаде, чтобы поведать ему свои скорби и страдания и получить утешение и совет. Но одним врачеванием душевных ран еще не исчерпывалась деятельность благочестивого монаха. Он вскоре отличился как оратор, обличитель ереси и тайных и явных врагов религии. Такое усердие не могло, конечно, ускользнуть от блюстителей испанской церкви. Как эхо этих подвигов, явились предложения Торквемаде высоких постов в духовной иерархии и титула доктора богословия от испанских рассадников просвещения. Суровый аскет ничего не желал и упорно отказывался от почестей и повышений. Лишь в 1459 году он нарушил эту скромность и согласился принять звание приора в монастыре св. Креста в Сеговии. Отсюда начинается возвышение Торквемады. Обитель св. Креста была излюбленным местом паломничества не только людей простых, но также и представителей высшего общества Кастилии. Сюда наезжала королева вместе с инфантой Изабеллой кастильской. Принцессе подыскивали в это время духовника. Никто, казалось, не мог исполнить эту должность лучше приора из Сеговии, и ему действительно поручили эту обязанность. Торквемада искусно повел это дело и скоро овладел полным доверием религиозной принцессы. Искусство требовалось в самом деле большое. Кастилия переживала в это время пору волнений: короля Генриха IV, брата Изабеллы, не любили, главным образом духовенство, и, наконец, лишили престола. Низложение было объявлено в Сеговии, и едва ли Торквемада не знал о заговоре задолго до его исполнения. На место Генриха, продолжавшего, впрочем, считать себя королем и имевшего сторонников, был посажен брат его Альфонс, но он вскоре умер, и престол опять

освободился. Корону снова вернули Генриху, но с условием, что наследницей его будет не дочь от второй жены Иоанна, а сестра Изабелла. Про Иоанну говорили, что она с ведома короля, которого за бездетность называли Бессильным, была дочерью его жены и любимца Бельтрана дела Гуэва. Ее так и звали – Бельтранея – и усердно распускали эту басню в народе. В это смутное время Торквемада принимал живейшее участие в провозглашении Изабеллы наследницей Кастилии. Вместе с этим провозглашением для него открывалась возможность осуществить свои давние планы о борьбе с еретиками.

Изабелла с семилетнего возраста считалась невестой Фердинанда, в то время еще не наследника Арагонии. Но и этому принцу улыбнулась судьба. Смерть, как Изабелле, очистила ему дорогу к престолу, и потому оставленный было проект его женитьбы на кастильской наследнице опять сделался мечтою патриотов, управляющих судьбами обоих королевств. Напрасно Генрих пытался выдать сестру за короля Португалии и тем удалить ее от престола в пользу Иоанны – Торквемада ловко разрушал его планы. В то время, как Изабелла отказывалась от искателей ее руки, он искусно поддерживал в ней симпатию к Фердинанду. Наконец 19 октября 1469 года, тайно от Генриха, в сопровождении Торквемады, она отправилась в Вальядолид, где ждал ее, также крадучись, прибывший Фердинанд, и их обвенчали. Раздраженный Генрих объявил Изабеллу лишенной престола, но его не слушали, и в 1475 году, после смерти ненавидевшего ее брата, Изабелла стала королевой Кастилии и Леона. Тот же титул был дан ее мужу Фердинанду V. Два самых больших королевства Испании соединились таким образом в одно политическое целое, хотя первое время номинально.

Торквемада как главный виновник этой унии, естественно, получал с этих пор первенствующее значение, и не только в Кастилии, но также в Арагонии. В награду за труды ему предлагали место архиепископа Севильи, но он отказался, как ни упорно упрашивали его Фердинанд и Изабелла. По словам Турона, честолюбие было чуждо натуре Торквемады, он думал только о благе государства, достоинстве религии, спокойствии народов и спасении душ. Он думал о той розни, которую вносили в духовную жизнь Испании населявшие ее евреи: как те, которые сохраняли закон Моисея, так еще более те, которые “лицемерно” принимали христианство.

В полное тревоги правление Генриха IV Торквемада громил отступников с высоты кафедры и даже восходил до самого короля и со слезами умолял его о защите церкви. Но как только Изабелла стала править

Кастилией, ревнителю благочестия сразу открылась перспектива более успешной деятельности. Он сейчас же обратил внимание Фердинанда и Изабеллы на печальное положение церкви.

“Этот лев религии, – говорит Флешье, – убедил обоих, что испорченность нравов и свободомыслие с каждым днем возрастают, что соседство христиан с евреями и маврами вредит благочестию народа. Он убеждал их в необходимости произвести тщательное расследование заблуждений и нечестия того времени и вернуть престиж религиозной дисциплине”.

Епископы, которым издревле принадлежала забота об этой дисциплине, прибегали в таких случаях к анафеме и церковным наказаниям, но в эпоху великих расстройств, по мнению Торквемады, необходимы были более сильные лекарства, и самым лучшим было учреждение особого трибунала, “более могущественного и более строгого, чем другие”... Флешье преклоняется и перед Торквемадой, и перед инквизицией. Он даже как бы желает приписать Торквемаде инициативу введения костров, что очевидно ошибочно, но его слова об отдельном трибунале, более могущественном и более строгом, прекрасно определяют значение Торквемады в истории инквизиции. Он не был первым насадителем ее в Испании, но ему справедливо приписывается открытие новой эры в инквизиционной практике. Торквемада довел эту практику до перлов жестокости, из орудия охраны религиозных догматов сделал ее орудием религиозной нивелировки и первый придал инквизиционному трибуналу политический характер. Из рук папы он передал этот трибунал в руки короля и сделал судилище не столько помощником торжеству веры, сколько орудием абсолютизма.

Первые инквизиционные трибуналы появляются в Испании в 1232 году. По повелению папы Григория IX, таррагонский епископ Эспарраго поручил тогда доминиканцам начать преследование еретиков. Ревность этих инквизиторов с первых дней поселила недовольство и озлобление в населении, но дело нетерпимости не унималось даже после убийства двух представителей его – Петра Планедиса и Петра Кадирета. Особенно неуклонно велось оно в Арагонии при инквизиторе Николае Эймерике, который оставил своим преемникам “Руководство для инквизиторов”, а потомству – славу жестокого гонителя еретиков.

Кастилия также не избежала ига инквизиции, но двоевластие, ослаблявшее папство в конце XIV и в начале XV веков, привело к тому, что в 1460 году в Кастилии не было уже ни одного инквизитора. Заслуга вторичного водворения их в этой стране принадлежит Торквемаде. По его

настояниям Фердинанд и Изабелла упростили папу Сикста IV опять ввести инквизицию в Кастилии. Разрешение было получено вместе с буллою 1 ноября 1478 года. Давая свое согласие на розыск и преследование еретиков, Сикст указывал в то же время, каких судей должно поставить во главе насаждаемых трибуналов: людей по крайней мере сорокалетнего возраста, чистой нравственности, магистров или бакалавров богословия, или же докторов и лиценциатов канонического права. Изабелла не сразу решилась на введение инквизиции в своих владениях. Голос совести удерживал ее от этого шага, но Торквемада сумел победить ее сомнения, в ярких красках изобразив ей, как угодно Богу учреждение инквизиции. Однако и после папской буллы Фердинанд и Изабелла не сразу приступили к исполнению замыслов своего духовника, но решили испытать сперва меры кротости и увещевания. По желанию обоих правителей, кардинал Мендоца, архиепископ Севильи, составил краткий катехизис для верных католиков, своего рода спутник христианства от купели до могилы. Многочисленные экземпляры этого наставления были розданы народу в Севильи и по всем приходам севильской епархии как главному обиталищу еретиков. Священникам было приказано разъяснять его смысл прихожанам и вместе с тем предупреждать их, чтобы они и дети их поступали согласно предписаниям катехизиса. Что касается отпавших от истинной веры, то для мирного возвращения их в лоно церкви предполагалось воздействовать словом проповеди и назидательной беседы. Для наблюдения за результатами этой меры были назначены особые лица, которым суждено было решить: быть или не быть инквизиции. Сторонники этой последней употребляли, конечно, все усилия, чтобы доказать правительству бесплодность мирных намерений; с другой стороны, еретики не только не думали раскаиваться в своих заблуждениях, но, предчувствуя начало преследований и сознавая свое право веровать по убеждению, неосторожно выступили с памфлетом против своих “спасителей”.

Ересь упорствует – таков был приговор наблюдателей за мирными попытками Изабеллы и Фердинанда... В 1481 году в монастыре св. Павла в Севилье открылись заседания инквизиционного трибунала под руководством доминиканцев, провинциала Михаила Морилло и викария ордена Мартена. Недружелюбно встретило население этих братьев-проповедников. Начальникам провинций было приказано оказывать содействие инквизиторам и их свите, но потребовалось вторичное приказание, чтобы достигнуть желаемых результатов. Тогда началось массовое бегство мараносов в соседние земли. Мараносы были крещеные евреи, но общий голос считал их тайными приверженцами Моисеева

закона, и на них прежде других еретиков должны были сказаться приемы сеvilьских инквизиторов. Их бегство было признано уликою, и потому 2 января 1481 года инквизиторы издали прокламацию, в которой объявляли бежавших мараносов еретиками и приказывали всем вельможам Кастилии под страхом анафемы, отнятия владений, чинов и достоинств задержать беглецов и под стражей доставить в Севилью, а имущество их конфисковать.

В Севилье узников ожидала монастырская тюрьма, заседания инквизиторов и застенки. Скоро число этих несчастных возросло до такой степени, что пришлось искать другое помещение в предместье Севильи. “Бог печется о распространении и поддержке веры, – гласила впоследствии надпись на сеvilьской тюрьме, – да пребудет она до скончания веков. Восстань, Господи, и будь судьей в нашем деле, излови для нас лисиц”... Как ни много было жертв в темницах инквизиции, или “лисиц”, как называли их инквизиторы, это число не удовлетворяло Морилло и Мартена. Они издали новую прокламацию, так называемую “грамоту милосердия”, и призывали в ней мараносов добровольно предаться их власти, обещая за это лишь легкое наказание. Многие беглецы и скрывавшиеся поверили обещаниям инквизиторов и явились на трибунал. Их заключили в тюрьму и действительно соглашались отпустить на свободу, но лишь с условием предварительной выдачи арестованными всех известных им еретиков. Уже на пятый день после водворения инквизиторов в Севилье костры пожрали шестерых осужденных, немного позже семнадцать, и так, все увеличивая число своих жертв, сеvilьская инквизиция в течение полугода сожгла 298 мараносов и 79 осудила на вечное заточение. Многочисленность осужденных на сожжение заставила сельского губернатора устроить особый постоянный эшафот, так называемое *квемадеро*. Квемадеро было сложено из камня. На верхней его площадке были установлены четыре гипсовые статуи пророков. Внутри этих статуй была пустота, куда вводили осужденных и затем сжигали сразу нескольких в этом подобии вавилонской огненной печи. Один из историков инквизиции говорит, что осужденных привязывали снаружи, поэтому можно думать, что практиковалось и то, и другое.

Не одни отступники погибали среди этого огненного апофеоза религии. Спешность процессов, доносы, личная злоба служителей инквизиции, желание овладеть имуществом богатых – все это очень часто кидало в костры людей ни в чем не повинных, искренних католиков. Чтобы спастись от этой участи, еретики и верные из намеченных жертв трибунала одинаково спешили выбраться из Испании, одни – во Францию, другие – в

Португалию, третьи – в Африку. Не успевшие сделать этого или перехваченные агентами инквизиции, а также и другие осужденные ею апеллировали в Рим, и скоро канцелярия Ватикана была завалена жалобами на жестокость сеvilских инквизиторов. Рассмотрение этих жалоб приносило папской казне значительные выгоды. Можно судить поэтому, как вопиющи были горести искавших в Риме правосудия, если там решили пожертвовать доходами и обратить внимание на жестокость и беззакония инквизиторов. 29 января 1481 года, следовательно, менее, чем через месяц после открытия сеvilского трибунала, Сикст IV уже указывает Фердинанду и Изабелле на злоупотребления поставленных ими инквизиторов. Папа говорит в своем бреве, что Морилло и Мартен заключают в темницы верных католиков, подвергают их жестоким мучениям и, чтобы овладеть их имуществом, объявляют их еретиками и ведут на казнь. Только уважение к правителям, по словам Сикста, не позволяло ему самому устранить инквизиторов, но он рекомендует эту меру королю и королеве.

Новейшие историки инквизиции из рядов католического духовенства любят ссылаться на это брeve как на свидетельство того, как далеки были папы от мысли одобрять инквизиторов. Но если обратить внимание на все брeve и письма того же Сикста, то нельзя не прийти к заключению, что папа недоволен только самостоятельностью инквизиторов и в виде оппозиции критикует их деятельность. В принципе он одобряет меры строгости с еретиками, но хотел бы видеть их в руках епископов и вообще людей более зависимых от Рима. Им руководила в данном случае политика, а не искреннее проявление гуманности, хотя несколько запоздалой. Испанская инквизиция с 1481 года сразу обнаружила тенденцию сделаться орудием правительства, средством удалять с его пути все, что могло вредить этой власти, будут ли то евреи или мавры, или строптивые католики и даже епископы. В свою очередь папы по традиции не могли спокойно взирать на увеличение королевской власти, отсюда их оппозиция так называемой второй инквизиции, то есть той, о которой идет теперь речь. В рядах этой оппозиции стоял между прочим кардинал Родриго Боржиа, впоследствии папа Александр VI, – одного этого достаточно для характеристики ее направления... Но могущество Григория VII и Иннокентия III становилось уже достоянием истории. На смену чудному прошлому надвигалось неотразимое бессилие и вместе с ним бессилие затормозить такие явления, как вторая инквизиция. В феврале 1483 года в виде тормоза этой последней Сикст IV назначил сеvilского архиепископа Иниго Манрика своим делегатом по приему и разбору апелляций на

решение инквизиции, а 2 августа того же года он поступил уже совсем иначе: 2 августа 1483 года папа утвердил Фому Торквемаду в звании великого инквизитора Кастилии и предоставил ему право назначать подчиненных чиновников трибунала, иначе говоря, явно способствовал обособлению испанской инквизиции. Оставалось только объединить под одной властью все трибуналы Испании, и тот же папа в том же году новым бреве 17 октября объявил Торквемаду “великим инквизитором” Арагонии с теми же правами, как и в Кастилии...

Инквизиция торжествовала. По повелению Торквемады ее судилища были введены в Кордове, Яэне и Сиудад-Реале, а по всем епархиям было приказано доминиканцам неусыпно заботиться о поддержании веры. Как высшую инстанцию для управления судилищами и судьями Фердинанд учредил в то же время королевский инквизиционный совет под названием Верховного совета. Дела этого совета решались голосованием, но только в сфере гражданского права и по чисто юридическим вопросам. Великий инквизитор был его президентом, при нем состояли советники: один епископ и два доктора прав.

В 1481 году, не довольствуясь постановлениями своих предшественников, Торквемада собрал в Севилье генеральную юнту инквизиторов. Здесь были выработаны законы испанской инквизиции, 28 пунктов так называемой инструкции.

Первые три пункта ее говорили об устройстве трибуналов, о публикации приговоров против еретиков и отступников и назначали “отсрочку милосердия” для желающих сознаться и обратиться. Шесть последних устанавливали порядок чинопочитания среди инквизиторов; остальные девятнадцать охватывали все случаи инквизиционного процесса. Кто сознавался до срока, тот мог рассчитывать на помилование, если открывал других еретиков. Инструкция допускала в этом случае секретное разрешение, но только при условии полной неизвестности обществу о преступлении раскаявшегося еретика. Всякая должность и право ношения серебра, золота, драгоценных камней, шелковых и тонких шерстяных тканей обращенному еретику запрещались, и только в Риме за большие деньги могли уничтожить это постановление. Добровольное покаяние не избавляло от денежного штрафа, а принесших это покаяние после срока милосердия – от конфискации имущества со дня впадения в ересь. При этом требовалось обозначение времени, когда примиряемый с церковью подпал влиянию ереси, дабы инквизиторы могли определить, какая часть имущества этого человека подлежит конфискации. На основании этого параграфа нередко конфисковывалось имущество жены за преступление

тестя, как приданое от еретика, и детей, как наследство от того же еретика. Начиная с 11-го пункта, инструкция говорила о еретиках упорных. Если такой еретик сознавался после долгого сидения в тюрьме, то его осуждали на вечное заключение. Сознание требовалось полное, а если оно не казалось таким инквизитору, то заключенный отдавался в руки светской власти. Та же мера применялась к лицам, которые вздумали бы похвалиться, что не все открыли на допросе трибунала. Всякий еретик, упорно отрицавший обвинение, считался нераскаянным, и чтобы вырвать у него сознание, при наличии доказательств, его подвергали пытке, а в случае успеха этой меры судили как уличенного еретика. Уличенным считался также всякий не явившийся на формальное приглашение трибунала. Допрос свидетелей производился самим инквизитором, его же присутствие требовалось при пытке для принятия показаний. Для облегчения этих показаний подсудимому выдавалась копия свидетельских ответов, однако не во всей их полноте. По 20-му параграфу инструкции инквизиционный процесс мог возбуждаться и против умерших, если из книг и жизни этих умерших оказывалось, что они были еретиками. Кости таких людей вырывались из могилы и сжигались во время аутодафе, а имущество конфисковывалось. Вассалы и все власти также подлежали суду инквизиции, если оказывали ей сопротивление и покровительство еретикам. Дети осужденных еретиков могли рассчитывать на пособие из конфискованного имущества их родителей, но этот параграф (22) почти никогда не исполнялся.

Эти первые законы испанской инквизиции еще при жизни Торквемады дополнялись другими постановлениями, но произвол по-прежнему оставался основным духом инквизиции. Достаточно указать, например, на право инквизиторов объявлять подсудимого упорным и нераскаянным или держать его в тюрьме до новых доказательств его виновности (по смыслу 11-го пункта), чтобы понять, как легко было этим судьям подводить обвиняемых под категорию еретиков. Могущественным стимулом инквизиторов к многочисленным арестам и обвинениям во что бы то ни стало служило желание пополнить кассу трибунала, потому что жалованье этим ревнителям благочестия уплачивалось за счет конфискаций.

“Сверх покаяний, – говорит Эймерик в своем руководстве, – инквизитор может налагать денежные штрафы на том же основании, как паломничества, посты, молитвы и прочее. Эти штрафы употребляются на дела благочестия, каковы, например, поддержка и содержание святой инквизиции. Действительно, вполне справедливо, если инквизиция будет оплачивать свои расходы деньгами своих заключенных, потому что, как

говорит св. Павел в 9-й главе послания к Коринфянам, “никто не может бороться своими силами”... Эймерику принадлежит также установление отношений инквизиции к детям еретиков. “Сострадание к наследникам виновного, – говорит он, – которых доводят конфискацией до нищенства, не должно смягчать этой строгости, так как, по божеским и человеческим законам, дети наказываются за грехи отцов”...

Правительство не противилось постановлениям инквизиции. Оно не меньше нее было заинтересовано в денежных штрафах и конфискации. Правительство получало третью часть этих поступлений и, нуждаясь в деньгах, естественно, заботилось о возрастании этого источника доходов. Таково было общее суждение об усердии королей в преследовании еретиков, и сама Изабелла сочла нужным оправдываться в этих обвинениях перед Сикстом IV. Кроме денежных расчетов, личная месть находила в инквизиции прекрасное орудие для своего удовлетворения и все виды насилия над личностью под покровом искоренения ереси. Кодекс Торквемады был встречен поэтому как посягательство на свободу граждан, особенно в Арагонии, где конфискация имущества была невозможна по давним привилегиям народа. Сразу по издании кодекса арагонские кортесы обратились к Фердинанду и папе с просьбой остановить применение инквизиционной инструкции. Но аресты и казни еретиков продолжались со всеми последствиями этих казней, и недовольство усилилось. Не видя выхода из сетей инквизиции и думая насилием остановить насилием, арагонцы решились на крайнюю меру – избиение инквизиторов. Душою заговора были мараносы, или, как их называли еще, новые христиане, остальные поддерживали их сочувствием. Чтобы собрать необходимые средства для исполнения предприятия, все мараносы были обложены пеней в пользу убийц. Арагонский дворянин Жан Делабадия руководил всем делом, первой жертвой был назначен Петр Арбуэ в Сарагосе. Шесть заговорщиков искали случая напасть на инквизитора, но слух о заговоре пошел по Сарагосе, и Арбуэ остерегался. Он стал носить панцирь под платьем и железную каску под шапкой. Наконец 13 октября 1485 года заговорщики застали его в церкви во время утрени. Было 11 часов вечера. Арбуэ молился, стоя у колонны, возле него на полу горел фонарь. Первым напал на него Жан Десперендео, но панцирь защитил Арбуэ от сабли убийцы. Тогда Жан Делабадия ударил инквизитора ножом по шее, и Арбуэ упал. Через два дня он умер от раны, но результат покушения обрушился лишь на головы заговорщиков и послужил на пользу инквизиции. Как ни велика была ненависть к трибуналу, старые христиане возмутились при вести об убийстве Арбуэ, и тем же инквизиторам

пришлось успокаивать народ и удерживать его от самосуда – обещанием примерного наказания злоумышленников.

Инквизиция пользовалась в этом случае скрытым недовольством бедных и невежественных классов против богатых и образованных, в среде которых только и могла быть, конечно, истинная оценка ее намерений, убийство Арбуэ дало ей прекрасный повод нанести удар аррагонской оппозиции. Кроме убийц доминиканца, была схвачена масса оговоренных доносчиками, потому что самое ничтожное показание принималось за улику. Сарагосские тюрьмы оказались переполненными узниками, значительная доля которых была виновна лишь в критике инквизиции, большинство же неповинно ни в чем. Достаточно сказать, что в числе заключенных находился дон Иаков Наваррский, сын инфанта дон Карлоса, чтобы представить себе число узников из среды обыкновенных граждан.

Путеводною нитью для арестов послужило показание одного из убийц, Видаля Урансо. Главные виновники были наказаны отрубанием рук и повешением, после чего их трупы повлекли по улицам и затем, разделив на части, разложили на площадях. Жан Делабадия был подвергнут этой казни уже мертвый. Он покончил с собою накануне. Видаля Урансо сперва повесили в награду за выдачу преступников. Менее тяжким наказанием, конечно, на языке инквизиторов, было подвержено более двухсот человек, и в том числе Иаков Наваррский. Вместе с другими, получившими снисхождение, его вывели на публичное покаяние. Но одной Сарагосой дело не ограничилось. В Толедо происходили не меньшие бесчинства трибунала. В течение года там было начато и кончено 3327 процессов, и 27 из них окончились сожжением обвиненных. Тем не менее потребовалось еще два года на усмирение волнений народа, не желавшего принять инквизицию, волнение в Теруэле, Валенсии, Лериде и Барселоне. На островах Майорке и Минорке эта борьба тянулась целых восемь лет. Восстание вспыхнуло там еще раньше сарагосского и окончилось лишь в 1490 году торжеством инквизиции.

Что касается Арбуэ, ему устроены были пышные похороны, а могила его – на месте убиения – была украшена монументом с не менее пышной эпитафией. На этом еще не окончились почести, оказанные памяти инквизитора. В 1664 году папа Александр VII причислил его к лику святых, а молва укрепила за ним славу целителя от чумы. Трагическая смерть Арбуэ увековечена также кистью Мурильо. Художник представил событие согласно историческим данным. Лишь ангел вверху картины, как бы принимающий душу инквизитора для водворения ее в рай, является отголоском канонизации Арбуэ и преклонений пред инквизицией.

С развязкой этой трагедии, несомненно, связано имя Торквемады. Как великий инквизитор он, конечно, принимал живейшее участие в жестокостях, которые были ответом на убийство Арбуэ и критику инструкции. ореол кротости и смирения, каким пытаются наделить его биографы вроде Турона, несомненно должен быть заменен символом совершенно обратного значения. Гораздо вернее, что он был лев, но не лев религии, как аттестует его Флешье, а лев нетерпимости и личного мщения. В этом отношении назначение его великим инквизитором было драгоценною находкою для инквизиции, и сам папа, что бы ни говорили обелители Сикста, благодарил Торквемаду за служение вере.

“Любезному сыну нашему, – писая он Торквемаде, – привет и апостольское благословение. Почтенный брат наш Родриго, епископ Портский, вице-канцлер святой римской церкви, назначенный кардиналом Валенсии, недавно говорил нам с большою похвалою о ваших заслугах и выдающемся усердии, которое вы обнаружили, искореняя ереси в королевствах Кастилии и Леоне. Мы узнали об этом с чувством *полного* удовлетворения, что делает вам честь, и с радостью видим, что, полные знания и облеченные властью в высокой мере, вы пользуетесь этими преимуществами только для преуспевания дел, касающихся славы Бога и святости церкви. Мы можем только предложить вам, любезный сын наш, и ободрить вас в Господе, неуклонно продолжать эту святую обязанность на защиту и распространение правой веры”...

Чтобы оценить вполне, как исполнялась “святая обязанность”, по выражению Сикста, необходимо перенестись мыслью в зал инквизиционного трибунала и в мрачные камеры его темниц, лучшею надписью для которых была бы надпись над воротами ада:

*Здесь мною входят в скорбный град мучений,
Здесь мною входят в муке вековой...
Оставь надежду всяк, сюда идущий...*

Глава II. Инквизиционный процесс

Приезд инквизитора. – Извещение жителей. – Отсрочка милосердия. – Настроение общества. – Доносы. – Начало процесса. – Арест. – Инквизиционная тюрьма. – Заседание трибунала. – Первое свидание подсудимого и судей. – Свидетели. – Право отвода обвинителя. – Камера пыток. – Начало применения пыток в религиозных процессах. – Кроткое увещевание и отеческое побуждение. – Пытка веревкою, водою и огнем. – Виды преступлений, подлежавших инквизиции. – Пристрастие трибунала. – Категории обвиненных. – Примирение с церковью. – Аутодафе частное и общее. – Приготовления к аутодафе. – Церемониал. – Костюм осужденных. – Сожжение в изображении. – Образчик инквизиторского красноречия. – Чтение приговоров. – Сожжение упорных. – Общее число жертв инквизиции

Во времена первой инквизиции в городах, где не было постоянного трибунала, инквизиторы появлялись наездом. Тотчас по приезде они приглашали к себе коменданта и присягой обязывали его исполнять все их решения, иначе не только ему, но и всему городу грозило отлучение. В ближайший праздничный день инквизитор отправлялся в церковь и объявлял с кафедры о возложенной на него миссии. Он приглашал при этом виновных в ереси явиться к нему без понуждения, в надежде легкого церковного наказания. Затем на месяц давалась отсрочка на размышление, так называемая “отсрочка милосердия”... Вид города сразу менялся. Граждане от мала до велика по первому звону спешили на богослужение. Общение со знакомыми ограничивалось самым тесным кругом. Все боялись друг друга, родители – детей, дети – родителей, хозяева – слуг. Беседы велись на благочестивые темы. На каждом шагу слышались религиозные сентенции: *Да сохранит вас Бог, идите с миром, да поможет вам святая Дева...* Между тем помещение инквизиции начинали осаждать разные темные личности. Давнишние счеты с соседом, затаенное недовольство и злоба – все это сказывалось теперь в приемной инквизитора. Там с охотой выслушивали доносчиков и вносили их вести в особую книгу. Кроме этих услуг добровольцев, инквизиции служили еще циркулировавшие по городу слухи, наконец заранее заготовленное, предвзятое обвинение, и все дело состояло лишь в накоплении судебного материала под благовидным названием доказательств. К тому же многие спешили на встречу желаниям инквизиторов, потому что недонесение

издавна считалось преступлением не менее тяжким, чем сама ересь... Наконец “отсрочка милосердия” истекала. Если обвиняемый доносом не являлся сам, по собственному сознанию, то инквизиторы начинали расследование. Прежде всего призывался доносчик. Ему предлагали способы открыть истину – обвинение и простое наказание. Обвинение могло не подтвердиться и обрушиться на самого обвинителя, поэтому выбиралось второе. Оставалось назвать свидетелей. Если эти свидетели подтверждали обвинение, инквизитор приказывал арестовать обвиняемого. Не знакомя его с делом, его запирали в темницу. Имущество его описывалось впредь до разрешения дела, и сам он до того же момента как будто умирал для мира. Темницы инквизиции были мрачны и сыры. Небольшие камеры, в пять шагов длиной и четыре шириной, наполовину были заняты нарами с грязной сгнившей соломой вместо постелей. Небольшое окошко чуть освещало это царство страданий. В нем помещалось до 6 и более узников, так что многие спали на полу в отравленной миазмами атмосфере. Первое время мужчины не отделялись от женщин. Жалобы не допускались. Если узники подымали шум или спор, их выгоняли в коридор и, раздев, бичевали, не разбирая ни пола, ни возраста. Все виды насилия, как вороны над добычей, носились над головами этих несчастных. Женщины и девушки насильничались или соблазнялись, конечно, коварно, путем позора купить оправдание. Под тем же предлогом у богатых выманивали деньги и только в этом случае допускали их тайное общение с родными. Иначе всякое милосердие к узнику считалось соучастием в преступлении.

Не сразу начинался процесс заключенных. Многие теряли здоровье прежде, чем являлись перед судом инквизиции, живые мертвецы в самом истерзанном виде. Процесс начинался не иначе, как по просьбе обвиняемого. Его побуждали к этой просьбе, когда хотели, при посредстве тюремных агентов. Только после этой жестокой формальности его приглашали на заседание трибунала... Под низким узорчатым потолком в небольшой комнате, слабо освещенной крошечными окнами, его ожидали инквизиторы. Они сидели за длинным столом на широкой лавке, подпоясанные веревками, в белых и коричневых сутанах, с небольшими шапками на головах. Тут же находился епископ в парадном облачении, что, впрочем, практиковалось лишь в начале инквизиционной эпохи, наконец – нотариус и докладчик. В это первое свидание с судьями обвиняемого встречали так, как будто ничего не знали о нем, и в то же время различными вопросами старались запутать его и вырвать у него улики. Свидетелей допрашивали отдельно. Обвиняемый их не видел все время

допроса. Сами показания их он получал в сокращенном виде, без указания места и времени. Этим предполагалось оградить свидетелей от мщения их жертв, когда последние дождутся свободы. Очная ставка свидетелей возбуждалась на том же основании, а сами свидетели могли быть людьми заведомо преступными и лицеприятными. Два свидетеля по слуху считались равносильными очевидцу. Обвиняемый мог отвергать обвинителя лишь в случае явной вражды к нему последнего. Чтобы узнать, не злоба ли руководила доносом, инквизиторы спрашивали у обвиняемого, нет ли у него врагов и кто они. Если он называл их, не упоминая действительного виновника своего ареста, его лишали права опровергать этого виновника. Он мог иметь защитника, но видаться с защитником ему позволялось только в присутствии инквизитора. Существовало, впрочем, формальное запрещение адвокатам и нотариусам защищать еретиков, но оно, по-видимому, не всегда исполнялось. Если улики против подсудимого казались слишком очевидными или, по личным расчетам инквизиторов, считались такими, трибунал немедленно произносил приговор и отсылал подсудимого в темницу до исполнения этого приговора. Только полное признание справедливости обвинения могло уменьшить наказание подсудимого, и к этому прибегали часто, чтобы избежать ужасов полного дознания. Инквизиторы сами решали, действительно ли откровенно и чистосердечно сознание их жертвы...

Кто отрицал обвинение при наличии тяжких улик, того объявляли упорным. Из зала трибунала его дело переносилось в камеру пыток, *in loco tormentorum*. Камера пыток обыкновенно помещалась в подzemелье, узкие коридоры со многими поворотами вели туда, ни один вопль не доносился оттуда наружу... “Такого-то числа, месяца и года”, как гласила инквизиционная формула, узник выводился из темницы и водворялся в месте мучений. При пытке, согласно инструкции Эймерика и Торквемады, находился инквизитор, иногда доктор, писец для записывания показаний и слуги трибунала в черных одеждах, с глухими капюшонами на головах, лишь с отверстиями для глаз и рта.

В религиозных процессах пытка впервые применяется в 1114 году. Тогда пытали водой еретиков-катаров. В 1157 году вальденсов пытали раскаленным железом. Иннокентий III запретил было это варварское средство добывать признание, но с 1233 года почти все процессы сопровождались “умалением членов”. Сперва, впрочем, уже в месте мучений, опять прибегали к убеждению. Еретика грозили муками ада, наконец ближайшими муками – пыткой. По совету Эймерика, его раздевали быстро и с выражением печали, чтобы сильнее потрясти его испугом, затем

раскладывали перед ним орудия допроса и еще раз убеждали сознаться. Это было так называемое “кроткое увещание и отеческое побуждение” (*benigne monitus, paterne adhortatus*, – говорилось об этом в протоколах инквизиции и между прочим в процессе Галилея). Неудача убеждений приводила обвиняемого к суровому испытанию, *al rigiroso esame*. Ему связывали руки на спине веревкою, другой конец которой пропускался через блок. В таком положении его еще раз увещевали повиниться. Затем слуги вздергивали его кверху и вдруг опускали, не давая коснуться пола. Стремительное падение сразу останавливалось, члены несчастного вытягивались, веревка врезалась в руки. Если среди этих страшных мучений он объявлял о желании дать показание, его опускали на пол, чтобы записать ответы несчастного. В противном случае продолжали “умаление членов”, и так не менее часу. Дольше применять одну и ту же пытку запрещалось, но инквизиторы, пользуясь изнеможением жертвы, нередко объявляли, что пытка была применена не вполне, и потом опять возобновляли ее. Сознание, полученное на дыбе, подтверждалось еретиком по снятии с нее. Этим он свидетельствовал, что не муки, а истина говорила его устами. Если он отказывался от этого или упорствовал, несмотря на первую пытку, его подвергали второй. Второе испытание производили водою. Еретика клали на стол в форме корыта, нередко покрытый гвоздями, связывали его веревками так, что они врезались в тело, затем, накрыв ему рот и нос мокрою тряпкою, медленно лили на нее воду. Непрерывная струя воды не давала жертве возможности перевести дыхание, она захлебывалась, кровь выступала у нее из носа и рта. Если и тут подсудимый все-таки отказывался дать требуемое показание, тогда применялось третье “умаление членов” посредством огня. Ноги несчастного заколачивали в колодку и, смазав подошвы маслом, поворачивали их к огню. Кожа трескалась от жара, кости обнажались при страшных криках мученика, доведенного прежними муками до последней степени изнеможения. Эта пытка нередко кончалась смертью узника тут же в зале мучений или в темнице, куда его относили после каждой пытки. Редко находились герои, выносившие эти терзания. Большинство признавалось после первого “умаления” в самых нелепых преступлениях, но это подводило их лишь под категорию сознавшихся из страха мучений и одинаково вело на костер. Некоторые налагали на себя руки, не ожидая допроса, но были герои, у которых все истязания не могли исторгнуть отказа от убеждений или сознания в несодеянном преступлении. Это были упорные, предмет глубокой ненависти инквизиторов, как доказательство их бессилия, и жертвы костров.

Не одни еретические заблуждения влекли заподозренных на суд инквизиции. По руководству Эймерика этому суду подлежали:

1) Хулители религии и виновные в ложных понятиях о могуществе Бога, все равно, говорили ли они это в пьяном или трезвом виде.

2) Все, занимавшиеся чародейством и гаданием, особенно те, которые употребляли при волхвовании священные предметы и вещества, например, святую воду и елей.

3) Всякий отлученный, не искавший примирения с церковью.

4) Укрыватели и заступники еретиков.

5) Лица, сопротивлявшиеся постановлениям инквизиции.

6) Города, правители и короли, защищавшие еретиков.

7) Власти, не отменявшие в стране или городе постановлений, несогласных с законами инквизиции.

8) Адвокаты, нотариусы и юристы, защищавшие еретиков (это правило применялось по усмотрению и только в самую раннюю эпоху первой и второй инквизиции).

9) Всякий, отказавшийся от присяги, которую требовала инквизиция.

10) Всякий, умерший в открытом или предполагаемом еретичестве.

11) Иудей или мавр, склонявший христиан к отступничеству.

12) Всякий прикосновенный к ереси словом, делом или сочинением.

13) Все преступления против нравственности, незаконное сожительство, содомия и пр.

Все это рушилось на головы главным образом тех, у кого не было покровителей, чтобы остановить карающую руку, и на людей, заведомо ненавистных инквизиторам. Располагавшие влиянием ускользали от правосудия трибунала, даже в том случае, когда их преступления были известны всему свету. Сами члены трибунала часто были повинны по инструкции Эймерика, и Вольтер вовсе не инсинуировал, когда изображал великого инквизитора любовником прекрасной Кинегунды совместно с богатым евреем. Лишь в редких случаях, при вопиющем нарушении законов и под непобедимым давлением общества, инквизиторы попадали под следствие, но, как увидим далее, их наказание имело скорее характер попустительства. Иное было положение людей без покровителей и заранее преданных усмотрению инквизиторов. По мере того, как подвигался процесс, масса этих арестованных постепенно распадалась на категории: легко подозрительных (*levi*), сильно подозрительных (*vehementi*), обращенных (*reconciliati*), упорных (*obstinati*) и оправданных. Впрочем, оправданные почти всегда считались подозрительными. Им выдавалось разрешение *ad cautelam*, то есть как подозреваемых в ереси, и горе было

этим лицам, если они опять попадали в руки инквизиции. Рецидивистам (relaps) не было прощения... Каждый обвиненный и сознавшийся мог просить примирения с церковью. Степень наказания в таком случае уменьшалась, смотря по времени признания и по важности преступления. В период первой инквизиции примирение с церковью совершалось торжественно, в храме и в присутствии народа. В назначенный день перед обедней обвиненный в ереси ставился на амвон с открытой головою и со свечою в руках. Начиналось богослужение. После чтения евангелия инквизитор произносил речь против ереси, затем осужденный на покаяние перед крестом и евангелием произносил отречение от своих заблуждений и, если мог, подписывал этот акт и получал разрешение.

“В день всех святых, в праздник Рождества Христова, – говорилось в разрешительной грамоте, – в празднике Сретения Господня и каждое воскресенье великого поста обращенный обязывается присутствовать в соборе при церемонии в одной рубашке, босиком, с руками, сложенными накрест, и принимать от епископа или пастора удар лозою, кроме Вербного воскресения, в которое будет разрешен. В великую среду он опять должен явиться в собор и будет изгнан из церкви на все время поста, в которое обязан приходить к воротам церкви и стоять во все время богослужения. В святой четверг станет на том же месте и будет снова разрешен. Каждое воскресенье поста он входит в церковь в надежде разрешения и опять становится у врат церковных. На груди постоянно носить два креста цвета, отличного от платья”.

Это покаяние продолжалось от трех до семи лет, смотря по важности преступления, и было самою легкою карой.

В период второй инквизиции примирение с церковью совершалось во время аутодафе. Аутодафе – религиозное действие, дело веры – бывали частные и общие. Первые совершались по мере надобности несколько раз в год, предпочтительно постом; вторые – по случаю важных событий в государственной жизни, восшествия на престол нового государя, рождения инфанта и проч. За месяц до торжества члены трибунала со знаменем впереди отправлялись на главную площадь и объявляли народу о дне аутодафе. То же делали герольды инквизиции при звуках труб и барабанов по всем улицам и площадям. По мере приближения назначенного срока начинались приготовления. На площади против королевского балкона, если предполагалось присутствие короля, возводился помост длиною в двадцать шагов. Сбоку, справа от балкона, строили амфитеатр в 25 или 30 ступеней, покрытый коврами, для членов инквизиции, с балдахином на верхней ступени для великого инквизитора. Слева другой такой же амфитеатр, но

без всяких украшений, предназначался для осужденных. Посередине помоста ставился меньший помост с двумя рядами деревянных клеток, куда вводили преступников на время чтения приговоров. Прямо против клеток ставили две кафедры: с одной читались приговоры, с другой произносилась проповедь; перед местами советников воздвигались жертвенники. Для народа тоже устраивались места.

Накануне торжества из церкви выходила процессия: впереди угольщики как цех, прикосновенный к правосудию инквизиции, – они поставляли дрова; за ними доминиканцы и стража. Дойдя до площади аутодафе, процессия останавливалась, на помосте водружались знамя инквизиции и зеленый крест, обвитый черным крепом. Затем кортеж удалялся, исключая доминиканцев, которые оставались на площади и до глубокой ночи пели псалмы. Рано утром площадь наполнялась народом. В 7 часов на королевском балконе появлялись король и королева, придворные чины и высшие представители духовенства. Церковный благовест возвещал о начале церемонии. Ее открывали сто угольщиков с пиками и мушкетами, за ними шли доминиканцы, предшествуемые крестом. За братьями-проповедниками несли знамя инквизиции. Оно было красного цвета, из дорогой материи; на одной его стороне был герб Испании, на другой – меч, окруженный лавровым венком, и фигура Доминика. Впрочем, в различных городах оно украшалось различно. После знамени инквизиции появлялись гранды Испании и офицеры трибунала, наконец – вереница осужденных по степеням наказания. Впереди выступали примиряемые с церковью. Они были босы, с непокрытыми головами. На них была одежда кающихся, так называемое санбенито, род льняного мешка с большим желтым крестом на груди и на спине. За примиряемыми следовали обреченные на бичевание и тюремное заключение. Но главный интерес для толпы представляли осужденные на сожжение. Это были упорные еретики и вторично впавшие в ересь. Измученные пытками и тюремным заключением, они шли со свечами в руках, в льняных санбенито, с бумажными колпаками на головах. У несчастных, пытавшихся протестовать и обличать инквизиторов, рот был завязан бычьим пузырем. Предсмертный костюм этой группы покрывали изображения дьяволов и пламени, направленного вверх. У признавшихся после пытки это пламя направлялось вниз, потому что эти жертвы сперва удавливались и потом сжигались. Около каждого осужденного на смерть находилось по два офицера и по два монаха. В этой же части процессия на высоких древках несли изображения бежавших от суда инквизиции или умерших в темницах, не дождавшись костра. Сжигали их изображение, символически, первых – во всяком случае, вторых – если таково было

решение трибунала. Кости умерших находились тут же в деревянных ящиках около фигур осужденных и вместе с этими фигурами возлагались на костер. В хвосте процессии ехала кавалькада советников верховного совета, инквизиторов, духовенства и наконец великий инквизитор в фиолетовом облачении, окруженный стражей. Когда процессия достигала площади аутодафе и участники ее занимали назначенные им места, священник начинал обедню и доводил ее до евангелия. Затем великий инквизитор, надев митру, подходил к королевскому балкону и принимал от короля клятву покровительствовать инквизиции и помогать преследованию еретиков. Такую же клятву давали все присутствующие при церемонии. Начиналась проповедь...

“Если Бог веками терпит наши беззакония, – говорилось в одной из таких проповедей, – то люди вполне справедливо посвящают хотя один день, чтобы отомстить за поношения Бога. Святой трибунал являет сегодня свое усердие к славе Господа, и это место, покрытое преступниками, ожидающими наказания, – живое представление того, что мы увидим однажды в долине Иасафата. Как царь небесный и земной придет судить людей, окруженный своими силами (оратор выражался даже “грандами” для большого сходства) и все святые с ним, так мы видим на суде святой инквизиции величайшего из монархов света, его советников и всех грандов королевства. Когда евреи, читаем мы в святом писании, выбирали царя, они вручали ему вместе с короною книгу закона, и это означало, что тою же рукой, которою он принимал скипетр, он должен был принуждать своих подданных следовать предписаниям религии”... “Утверждать, – говорил далее оратор, – что люди свободны веровать по желанию и что не следует наказывать еретиков, значит утверждать, что не нужно наказывать грабеж, волшебство и смертоубийство... О ты, святейший трибунал веры, оставайся непоколебимым до скончания веков и сохраняй нас чистыми и твердыми в нашей религии. О, как говорит это зрелище об усердии и заботливости инквизиторов! Их величайший триумф – эта толпа преступников, и я могу сказать о трибунале то же, что сказано о церкви: Прекрасна подруга моя, как шатры кедарские, как палатки Соломоновы. Этот день – день торжества и славы трибунала, он наказывает сегодня лютых зверей, врагов религии, и овладевает их достоянием”...

По окончании проповеди начиналось чтение приговоров. Осужденные поочередно выслушивали их на коленях, входя для этого в клетки на помост. Великий инквизитор давал затем разрешение примиряемым с церковью, а осужденных на смерть передавал в руки светской власти.

“Мы объявили и объявляем, – говорилось об этом в сентенции, – что

обвиняемый (такой-то) признан еретиком, в силу чего наказан отлучением и полной конфискацией имущества в пользу королевской казны и фиска его величества. Объявляем сверх того, что обвиняемый должен быть предан, как мы его предаем, в руки светской власти, которую мы просим и убеждаем, как только можем, поступить с виновным милосердно и снисходительно”...

Защитники инквизиции ссылаются на эту сентенцию как на доказательство гуманности инквизиции, но эта ссылка грешит наивностью, потому что инквизиторы, умоляя о снисхождении, соблюдали только лицемерную форму и отлично знали, что костры уже заготовлены и ожидают своих жертв. По окончании церемонии, которой и принадлежит собственно название аутодафе, этих жертв, в сопровождении громадной толпы зевак и изуверов, отводили за город на место сожжения. Там для каждого несчастного был отдельный костер. На костре был установлен шест, и к нему привязывали жертву. Желавших умереть, исповедавшихся, или, как говорили, по долгу христианскому, и всех сознавшихся после пытки сперва душили, затем под всеми одинаково разводили огонь. Осужденные на сожжение в изображении и кости умерших сжигались в первую очередь, чем только усиливалась нравственная пытка живых страдальцев. Если среди них находились лица духовного звания, тогда церемония усложнялась, к костру являлся папский нунций, епископы и священники. Осужденный стоял среди инквизиторов в полном облачении сообразно своему сану. После приговора читалась особая сентенция.

“Именем Бога всемогущего, Отца и Сына и Святого Духа, властью апостольскою и нашею, мы, посланцы в эти страны, – говорилось в сентенции тулузской инквизиции, – снимаем с тебя твой духовный сан и отрешаем тебя от священнической и других обязанностей, мы низлагаем, лишаем и исключаем тебя от всех церковных бенефиций, духовных прав и привилегий. В силу всего этого мы просим присутствующего здесь благородного сенешаля взять тебя в свое распоряжение и настоятельно предлагаем ему при исполнении наказания поступить с тобою согласно приговору”...

Таким образом, тулузская инквизиция не прибегала, по крайней мере, к лицемерию испанской и не просила снисхождения к преступнику.

Сколько людей погибло на кострах испанской инквизиции и как велико общее число осужденных ею? Льюренте дает на первый вопрос цифру 34.658 и на второй – 290.921 человек. Если верить его словам, один Торквемада сжег 10.220 жертв. В настоящее время эту последнюю цифру уменьшают, но не нужно забывать, что за инквизицией числятся еще

многие тысячи униженных, разоренных и изгнанных, и потому итог Льоренте можно считать вполне основательным относительно жертв трибунала и в то же время далеко не выражающим того зла, которое принесла Испании святая инквизиция.

Глава III. Торквемада, мавры и евреи

Торквемада – объединитель Испании. – Мавры и их культура. – Влияние их на испанцев. – Начало освобождения испанцев и нетерпимость. – Торквемада как представитель своей эпохи. – Евреи в Испании. – Начало преследований евреев. – Мараносы. – Нетерпимость и объединение Испании. – Начало борьбы с Гренадой. –хлопоты Торквемады и опасения Рима. – Падение Гренады. – Условия капитуляции. – Недовольство Торквемады. – Мнимое святотатство евреев. – Декрет об их изгнании. – Заступничество Абарбанела. – Вмешательство Торквемады. – Исполнение декрета. – Распродажа евреями имущества. – Попытки обойти декрет. – Отъезд и гибель эмигрантов. – Радость Торквемады и заботы о трибунале. – Съезд инквизиторов в Вальдоляде. – Инквизиционный террор. – Торквемада и книги. – Преследование епископов. – Недовольство Рима. – Охрана Торквемады. – Смерть великого инквизитора

В глазах патриотов Испании жестокость Торквемады несколько умалется сознанием, что он был одним из объединителей этой страны.

После битвы при Хересе де-ла Фронтера, 26 июля 711 года, Пиринейский полуостров, как известно, оказался во власти арабов, и только в горах Астурии, Бискайи и Кастилии сохранились тогда остатки самостоятельности Испании. Это были зерна, из которых опять развилось ее могущество. В 1212 году мавры были уже оттеснены на юг полуострова, где за ними осталось лишь халифатство Гранада. Таково было положение Кастилии и Арагонии при их соединении под властью Изабеллы и Фердинанда V. Этим правителям предстояло закончить собирание испанской земли, и Торквемада несомненно был их деятельным помощником. В лице первого великого инквизитора и его преемников испанское духовенство выделяет с этого времени из своей среды ряд политиков, сторонников идеи: *Испания – для испанцев, и все испанцы – католики*, но в применении этой идеи они доходили почти до безумия и в конце концов разрушили то, к чему так ревностно стремились. Первой пробой этой политики было покорение мавров.

Мавры не были варварами вроде татар – завоевателей Руси. Как ни горьки были их победы для испанцев VIII века, это были победы цивилизации. Разбивая противников и вступая в их города, арабы находили какие-то жалкие лачуги, приюты дикарей, невежественных и суеверных.

Когда же настала их очередь отступать и сдавать свои крепости, они оставляли победителю культурные страны с трудолюбивым и сведущим населением, богатые города с сокровищами знания и искусства. В Кордове было более миллиона жителей и более 20 тысяч домов. Ее улицы освещались фонарями – неслыханное дело в христианских городах после падения мавров. Почти то же благоустройство царило в Гренаде, Севилье и Толедо. Роскошные дворцы окружены были там садами, где каждая пядь земли говорила о культуре, университеты являлись средоточием науки, которая долго не снилась европейским схоластам, а потом потянула их на костры инквизиции. Араб Альгазен, живший в VII веке, детально опроверг учение греков, что лучи зрения идут из глаза к предмету, и первый трактовал о волосности, тяжести воздуха, высоте атмосферы и ее плотности в зависимости от высоты. Ибн-Джунис изобрел маятник и ввел так называемую арабскую нумерацию. Аверроэс комментировал Аристотеля и, полагают, первый пришел к открытию солнечных пятен. В арабских университетах преподавали риторику, математику – как известно, арабам принадлежит основание алгебры – и медицину. Про кордовского врача Альбуказиса сохранились известия, что не было операции, которую он не решился бы сделать. У арабов же впервые зацвела та поэзия, которую восхищались провансальские трубадуры и от которой сходили с ума даже монахи, распевавшие по кельям на языке Горация:

*Умереть мне в кабаке
Решено судьбою,
Пусть же с чашею в руке
Встречу смерть с косою...*

Вероятно, именно это нечестие возмущало душу благочестивого приора из Сеговии. В соседстве с арабами испанцы мало-помалу усваивали культуру неверных, но, как всегда бывает в этих случаях, это усвоение распространялось главным образом на худшие стороны арабской цивилизации, на то, что подтачивало уже могущество и значение “учителей”. В этом сказалось печальное влияние арабов на испанское общество, они же были косвенными виновниками религиозной нетерпимости последнего.

Спасаясь в горах от арабского владычества, испанцы захватывали с собою церковные святыни, мощи угодников и в самом факте своего спасения уже видели покровительство неба. Первые победы над маврами

еще более укрепили это воззрение. Мало-помалу сложились легенды, что сами святые принимали участие в битвах испанцев с неверными. В 844 году апостол Иаков предводительствовал христианским войском, сидя на белом коне и со знаменем с красным крестом на середине. В 1236 году то же сделал св. Георгий: он явился среди сражавшихся и своим мечом даровал испанцам победу... Борьба с арабами велась, таким образом, в союзе с небом, а это говорило о том, что враги испанцев были в то же время и врагами Бога. Целые поколения воспитывались на таких легендах, и даже дети принимали участие в кровавых мечтах об истреблении мавров. Лавалле жестоко ошибается поэтому, когда приписывает нетерпимость Торквемады любовной неудаче в Кордове. Эту нетерпимость Торквемада всосал с молоком матери, ее навевали ему каждое семейное предание, каждая церковная проповедь, каждая песня народа. Отсюда эта воинственная складка в характере сурового аскета и политика кровожадных завоевателей – или вырезать, или изгнать покоренное население. Духовная карьера лишь усилила это настроение Торквемады.

Испанское духовенство еще до нашествия арабов влияло на дела государства и едва ли не раньше римских первосвященников претендовало на раздачу корон. Король Эжика в 633-м году во время толедского собора припадал к ногам епископов и просил у них совета. Епископы следили в то время за судьями и даже требовали, чтобы ни один король не вступал на престол, не дав обещания блюсти святую веру. Победоносное нашествие арабов надолго лишало их этого влияния, и понятно, в их среде не меньше, чем в среде королей в изгнании, таилась глубокая ненависть к завоевателям Испании. Они стремились вернуть себе заманчивое прошлое, отсюда этот тип епископа-воина и политика, ярким представителем которого был Торквемада и затем Хименес. Народные массы, естественно, разделяли симпатии и антипатии своих руководителей.

“Нашествие магометан, – говорит Бокль, – сделало христиан бедными, бедность породила невежество, невежество породило легкоеверие, лишая людей как способности, так и желания самим что-либо исследовать, усиливало дух подобострастия и поддерживало привычку к покорности и слепое повиновение духовенству”.

Борьба за независимость еще более усилила умственное рабство народа, а это рабство подготовило торжество инквизиции. В борьбе с арабами христианская религия, естественно, являлась общепонятным лозунгом, созывавшим верных под знамена католических государей. Враги их получали поэтому не столько политический, сколько антирелигиозный характер. Это воззрение мало-помалу распространилось и на внутреннюю

жизнь народа: все, кто не были христианами, становились врагами этой лучшей из религий, их культы – объектами презрения, их последователи – объектами преследований. В этом отношении инквизицию нельзя рассматривать как нечто, навязанное Испании извне. Как семя, посеянное сеятелем, она упала на разные почвы, среди различных условий гражданской жизни и не везде всходила и приносила плоды.

Лишь в Испании суждено ей было расцвести пышным цветом и оттуда уже заражать другие страны. И здесь она встретила и встречала сопротивление, но эта оппозиция коренилась в интеллигентной среде Испании, где успели уже отрешиться от духа нетерпимости, – и чем дальше от границы Гренады и ближе к северу, тем больше, – и где зрели уже новые силы и новые начинания... Вот почему инквизиция с особенною яростью преследовала лучших представителей испанской нации. Она опиралась при этом на невежественные массы и неумолимо уничтожала все проявления свободной мысли и независимости. В то время, как Фердинанд и Изабелла, следуя примеру своих предшественников, сковывали Испанию в одно крепкое целое, Торквемада и его преемники по видимости преследуя ту же задачу, – духовное объединение страны – на самом деле лишили ее живого духа и мало-помалу омертвили. Счастливая Испания представлялась им не иначе как единой от Пиринеев до Гибралтара, и они вели ее к этому золотому веку, освещая ей путь кострами, наполняя темницы и изгоняя целые народы. Таковы были, между прочим, отношения Торквемады к евреям и мараносам, а его преемников – к маврам, морискам и лютеранам.

Предполагают, что евреи поселились в Испании еще во времена царя Соломона, вероятно, вместе с финикийцами. Другие относят начало этой иммиграции к первому веку христианской эры. Во всяком случае, это пришедшее население скоро заняло в Испании видное место не только по количеству, но и по влиянию среди христиан. Причина этого влияния, конечно, коренилась в предприимчивости евреев. Люди, добравшиеся из Палестины до далекого Пиринейского полуострова, не могли не отличаться сильной волей, чувством солидарности между собою, упорством в труде, наконец, умственным превосходством над большинством туземцев. Дворяне Кастилии, Арагонии и других местностей Испании занимались, главным образом, военными подвигами и веселою жизнью. Торговля, служба в правительственных и частных учреждениях и связанное с ними образование оставались на долю духовных, людей простых и в том числе евреев. У евреев были свои школы и даже академии. Питомцы этих заведений становились докторами, аптекарями, финансистами и даже учеными и между прочим славилась своими астрологическими

познаниями. Они широко воспользовались в этом отношении цивилизацией арабов, тем более, что завоеватели Испании отличались веротерпимостью и покровительством знанию. Высшие правительственные должности также часто занимались евреями, между ними насчитывают министров и ближайших придворных испанских королей. Все это не могло не возбудить ненависти и зависти к удачливым пришельцам, а народной массе они казались единственными виновниками ее темноты и несчастья. За евреями, конечно, водились грехи, общие всем богатым и влиятельным классам: притеснение бедных, обход и прямое нарушение законов – особенно когда начались преследования Израиля, – но испанские патриоты только у них видели и хотели видеть эти недостатки и даже коллеги евреев по притеснению народа привлекали к ним внимание законодателей и просили защиты простолюдина. Законодатели не оставались глухи к этим воззваниям, и тем более, чем более влияло на них духовенство. Уже в IV веке эльвирским собором были запрещены браки между христианами и последователями Моисеева закона. В некоторых городах евреям отводились особые кварталы, куда они должны были возвращаться с наступлением ночи и выходить оттуда в платье с установленными знаками голубого или зеленого цвета. Эти меры только увеличили рознь между обоими народами; обособленность же евреев как следствие ограничительных законов породила легенды об их враждебности к христианам и о том, что они убивают христианских детей, чтобы воспользоваться их кровью для приготовления опресноков. В невежественной среде испанцев эти толки встречали полную веру, и само духовенство поощряло чувство ненависти к евреям. Так поступил архиепископ Севильи Ниэбла в 1391 году. Под влиянием его проповедей исступленная чернь убила тогда около 7 тысяч еврейских семейств, а других принудила отказаться от своей религии. Во время владычества мавров эта ненависть к евреям в христианском населении только усилилась, потому что у завоевателей Испании евреи пользовались как религиозною, так и гражданскою свободою, и вследствие этого сливались в глазах испанца-католика с общею массою врагов христианства.

При таких обстоятельствах евреи не могли, конечно, особенно сочувственно относиться к возрождению Испании, так как опыт прошлого говорил им, что падение мавров будет началом их собственного падения и таких погромов, как севильский, на отвоеванной испанцами территории. Чтобы избавиться от этих преследований, евреи часто добровольно принимали христианство и вместе с обращенными силою составили особую группу населения Испании – мараносов, которые были первыми

жертвами испанской инквизиции. Обстоятельства, предшествовавшие крещению и тех, и других, не могли, конечно, способствовать их твердости в христианской религии, а отсутствие руководства со стороны невежественного католического духовенства вызывало даже у искренних последователей этой религии невольные уклонения в область еврейских обрядов. Эти уклонения и послужили поводом к преследованию мараносов инквизицией. В 1481 году севильский трибунал издал особую инструкцию, в которой указывалось 36 способов отличия истинных христиан от мнимых сторонников католичества из среды мараносов. Достаточно было, например, мараносу, надеть в субботу чистое платье, чтобы навлечь на себя подозрение в тайном иудействе. То же могло случиться, если он пил вино, приготовленное евреями, ел мясо убитого им же животного, читая псалмы, не говорил “Слава Отцу и Сыну и Святому Духу”, если он в день рождения ребенка обращался к гороскопу и даже если устраивал прощальный обед, уезжая из города. Система доносов, которою пользовалась святая инквизиция, могла доставить во всякое время обвинительный материал на погибель мараноса, и 36 параграфов севильской инструкции были только канвою для этих доносов.

Для Торквемады это были все паллиативы, не способные залечить разъедающую Испанию язву нечестия. По мнению Торквемады, отступничество мараносов могло прекратиться только с изгнанием евреев из Испании, а так как евреи находили приют и покровительство в Гренаде, то завоевание последнего оплота мавров тесно связывалось в глазах великого инквизитора с очищением родины от сомнительных религиозных элементов. Дело нетерпимости присоединялось, таким образом, к историческому движению испанцев, которое ставило своей целью вернуть прежнее положение на Пиринейском полуострове. Фердинанд V вполне разделял в этом случае общенародные стремления и стремления Торквемады. Он давно собирался разнести по зерну “житницу”, как называл Гренаду, а религиозная Изабелла видела в этом деле угодное Богу предприятие. Оставалось лишь найти предлог к началу военных действий, и мавры сами дали этот предлог, напав в мирное время на испанский город Замору. Весть об этом насилии пробудила энтузиазм испанцев. К Фердинанду и Изабелле отовсюду спешили воины, готовые сразиться с неверными, а Торквемада почти не покидал в это время короля и королеву. Он не переставал побуждать их к продолжению начатого дела, эпилогом которого считал Гренаду. Но Фердинанду нужны были деньги, и тут его выручил великий инквизитор, получив от папы разрешение продавать индульгенции. В Риме даже испугались энергии, с какою повел это дело

Торквемада, там опасались за доходы святого престола, и сам папа – доказательство могущества Торквемады – обращался к советнику “их высочеств” с просьбой не забыть интересов святителя.

В ноябре 1491 года испанцы были уже под стенами Гренады. Два месяца тянулась осада, наконец мавры увидели бесполезность сопротивления. Начались переговоры. Мавры требовали свободного выхода для себя и для халифа Альбухалема, денежного вознаграждения для него же и полной религиозной и гражданской свободы для желающих остаться в Гренаде и в том числе для евреев. Эти требования побежденных казались испанцам чрезмерными, но так как они были изнурены не меньше арабов, то пришлось согласиться. 2 января 1492 года испанские войска вступили в Гренаду. Во главе передового отряда ехал архиепископ Мендоца, примас Испании, за ним в отдалении, отчасти из опасения засады, двигались Фердинанд и Изабелла с остальной массой войска и при них – Торквемада.

Для великого инквизитора это торжество омрачалось мыслью о праве евреев оставаться в Гренаде. Правда, это право было дано лишь на три года, но великий инквизитор не мирился и с этой отсрочкой изгнания. Весьма вероятно, что евреи не подозревали, какие планы создавались в уме Торквемады. Их представители вступали в Гренаду вместе с победоносным воинством в качестве интендантов, оружейников и казначеев, и существует даже предположение, что они же дали деньги, которые уплатила Испания Альбухалему. И вдруг, едва прошли мирные торжества завоевателей, по Гренаде распространилась весть, что жидаы хотят отравить инквизиторов. Доказательство было налицо. В одной из синагог в священной книге евреев была найдена облатка. Жидаы собирались отравить святое причастие. Старый призрак еврейской ненависти к христианам опять восстал в воображении испанцев, древние саги о еврейском святотатстве находили явное подтверждение и взывали к правосудию... 31 марта 1492 г. правосудие свершилось: евреям повелевалось креститься или оставить Испанию.

Стон и плач наполнили еврейские жилища... Старый раввин Абарбанел, когда-то управляющий денежными делами Фердинанда и Изабеллы и лично известный правителям, бросился в Гренаду умолять их о пощаде Израиля. Три раза падал Абарбанел на колени перед королем и королевой. “Возьмите, – говорил он им в страстной мольбе о соплеменниках, – возьмите все наше золото и серебро, возьмите все имущество Израиля, но оставьте нам нашу родину!”... Он тут же предлагал им 600 тысяч золотых дукатов, но ни деньги, ни мольбы не могли

умилостивить королевского гнева. Абарбанел обратился тогда к советникам правителей и просил их о заступничестве. Користволюбие начало было побеждать Фердинанда, он готов был уже отменить исполнение указа, но Торквемада сумел остановить его. Величественный, как ветхозаветный пророк, он пришел к королю и королеве с крестом в руках и сказал:

– Иуда продал Сына Божия за тридцать сребреников, ваши высочества, быть может, хотят продать его за триста тысяч. Он здесь. Вот Он, возьмите и, если хотите, продайте...

С этими словами Торквемада положил распятие перед Фердинандом и Изабеллой и затем удалился... Не одно воззвание к чувству правоверных католиков звучало в краткой речи инквизитора. Она могла напомнить Фердинанду и Изабелле о том времени, когда Торквемада принимал участие в свержении “нечестивого” Генриха IV, и даже о судилище инквизиции. Грозная сила, стоявшая за Торквемадой, давила их, оставалось” исполнить указ о евреях, и он был исполнен.

К концу июля 1492 года евреи обязывались покинуть Испанию, если не хотели креститься. Государи обязывались с своей стороны снабдить их паспортами и предоставить им корабли для отъезда. Во время отсрочки эмигранты должны были продать свое имущество, но отнюдь не вывозить из Испании ни золота, ни серебра. В то же время Торквемада приказал доминиканцам и другим духовным лицам употреблять все меры к обращению евреев в христианство, а всем верным католикам по истечении данной евреям отсрочки под страхом наказания избегать всякого общения с ними и не продавать им съестных припасов и ничего необходимого для жизни. Как ни тяжело было положение евреев, большинство их все-таки осталось верно своей религии и спешило с отъездом из Испании. Наскоро продавалось ими имущество, дома и поместья уступались за сотую долю стоимости, были даже случаи, что виноградник отдавался за кусок полотна, дом променивался на осла и тому подобное. Чтобы спасти хоть что-нибудь среди этого погрома, некоторые зашивали золото в одежду или в сбрую выючных животных, другие глотали по тридцати червонцев, разрезав их на кусочки, третьи прятали их в места, куда заглянуть могла не позволить дозору стыдливость. Все эти расчеты, надо думать, не оправдывались, и золото не ускользало от любопытства королевской стражи, да иначе мы и не знали бы об этих проделках евреев... Сборными пунктами эмигрантов были назначены Картагена, Валенсия, Барселона, Кадикс и Гибралтар. И старый, и малый потянулись туда евреи, кто верхом, кто на повозках, кто пешком. Многие умирали, еще не достигнув места отправки, падавших духом ободряли раввины, заставляя женщин петь и бить в тамбурины...

Дальше ждали Израиль еще большие испытания: голод и оспа на кораблях, грабежи и убийства на суше. В Генуе их встретила толпа фанатиков, предлагавших получить хлеб ценою крещения; в Неаполь они сами привезли оспу, опустошившую город; в Африке их убивали; женщин и девушек насиловали и продавали в рабство.

Как велико было число этих эмигрантов, различные авторы говорят об этом по-разному. Льоренте насчитывает их до 800 тысяч человек. Во всяком случае, эта вынужденная эмиграция, не говоря о ее жестокости и беззаконии, несомненно причинила ущерб испанской торговле и промышленности. Эта была первая причина падения Испании после непродолжительной эпохи могущества. Ослепленные торжеством над маврами и последовавшим открытием Америки, испанцы долго не замечали результатов политики нетерпимости, и только отпадение целых провинций послужило для них поздним указанием на всю пагубность влияния Торквемады и его преемников. Это косвенно признается даже безусловными поклонниками приора из Сеговии, когда они вознаграждают потери Испании тем золотом, которое, оставили в стране евреи. Если верить их словам, с эмигрантов брали еще по два дуката за право отъезда и конфисковали имущество у запоздавших.

Что касается Торквемады, то он ликовал. Еврейские синагоги обращались в церкви, в Гренаде воздвигались стены монастыря во имя святого Доминика, оставалось сохранять и укреплять инквизицию. Среди забот о торжестве испанцев над маврами Торквемада не забывал своего излюбленного детища. Время обнаружило в этом учреждении много недостатков и злоупотреблений, а между тем великий инквизитор хотел видеть его совершенным, достойною опорой религии. Он представлял себе инквизицию олицетворением справедливости, судом строгим для упорных в своих заблуждениях, милостивым для кающихся, священным средством создать наконец в Испании едино стадо с единым пастырем. В заботах об этом в 1488 году, в последних числах октября, Торквемада снова собрал в Вальядолиде генеральную юнту инквизиторов. Здесь были выработаны 15 новых законов в дополнение к изданным в 1484 году. Новые законы предлагали инквизиторам соблюдать в процессах одну общую для всех форму и не откладывать суда над заключенными под предлогом недостаточности улик. Келейный характер инквизиционных процессов законы оставляли в прежней силе. Они предлагали допрашивать свидетелей при возможно меньшем числе присутствующих и запрещали подсудимым видаться с кем-либо, исключая священника, и то возможно реже. Число этих узников инквизиции было громадно. Трибунал не знал

наконец, куда поместить осужденных на вечное заточение, и потому генеральная юнта разрешила этим преступникам отбывать наказание на дому, но строго запретила выходить из этих импровизированных тюрем. Не меньше заботили юнту расходы на содержание многочисленных заключенных. Чтобы помочь этому горю, решено было ходатайствовать перед правительством об учреждении при трибуналах так называемых “домов покаяния”, где осужденные могли бы заниматься ремеслами и тем оплачивать свое содержание. Этот проект получил впоследствии осуществление, но зато потерпело фиаско другое постановление юнты – оплачивать расходы трибуналов и жалованье их членам за счет конфискаций прежде удовлетворения королевской казны. Фердинанд увидел в этом посягательство на свои доходы и отказал в утверждении этой меры. Взамен он предложил инквизиторам занять в епархиях по приходу и тем покрывать свои недочеты. Из других постановлений вальядолидской юнты заслуживает внимания распоряжение, запретившее примирение с церковью мужчин моложе четырнадцати лет и женщин моложе одиннадцати. Чтобы оценить по достоинству эту меру, необходимо припомнить, что вторично впавшие в ересь заранее осуждались на сожжение и конфискацию. Таким образом, устранив малолетних от примирения, юнта, очевидно, хотела избавить их от обвинения в рецидиве, так как вопрос об этом мог возникнуть только после примирения с церковью. Но такова была судьба всех законов инквизиции, что они всегда применялись по усмотрению, и 15 новых постановлений юнты не смягчили суровой гегемонии этих блюстителей веры. Произвол и после 1488 года по-прежнему оставался характерною особенностью инквизиционных трибуналов, жертвы их по-прежнему подвергались жестоким истязаниям под покровом спасительной для свидетелей тайны, а эти свидетели по-прежнему безбоязненно клеветали на кого хотели.

Такие порядки не замедлили вызвать деморализацию испанского общества. Всякий стал думать о спасении своем и своих, и многие спешили записаться в число офицеров инквизиции, как назывались исполнители ее приказаний, в громадном большинстве шпионы. Посредством этих шпионов судилище зорко следило за всеми проявлениями свободомыслия, самого невинного, и между прочим уже при Торквемаде стало преследовать книги, это признанное несчастье для поборников нетерпимости. Усердие в уничтожении книг доходило до последних границ вандализма. На заре инквизиции роль цензоров исполняли епископы, но Торквемада упростил эту процедуру и жег книги, не подвергая их рассмотрению. В 1490 году он сжег таким образом в Саламанке множество экземпляров еврейских

библий, затем 6 тысяч различных авторов как опасных для религии и наконец уничтожил всю библиотеку королевского принца Генриха Аррагонского. Железные руки инквизиторов простирались даже к высшим представителям католического духовенства. В этой среде не особенно благоволили к трибуналу, помня дни, когда церковный суд принадлежал епископам, и этого было достаточно, чтобы навлечь на них преследование инквизиции. Правда, инквизиция не имела права судить епископов, но она слишком чувствовала свою силу, чтобы останавливаться перед этим, и еще при Торквемаде добилась осуждения епископов Калагоры и Сеговии. Оба епископа были позваны в Рим и там оправданы и даже назначены посланниками: первый – в Венецию, а второй – в Неаполь; но раздраженный неудачей Торквемада доставил новые доказательства их еретичества, и посланники были лишены епископских санов и заключены в темницу. Это новое свидетельство усердия великого инквизитора подняло в Риме прежнее недовольство испанской инквизицией, и только опасение конфликта с Фердинандом и Изабеллой удержало папу Александра VI от низложения Торквемады. В Риме решились только на полумеру. Под видом заботы о здоровье инквизитора папа указом от 23 июня 1494 года признал необходимым дать Торквемаде четырех епископов в качестве генерал-инквизиторов с правом участвовать в заседаниях трибуналов. Эта мера не ограничила, однако, ни власти, ни жестокости Торквемады. Он до самой смерти продолжал очищать Испанию от ереси и возбудил такую ненависть среди современников, что ожидал себе участи Арбуэ. Он ездил с большими предосторожностями: 50 конных офицеров инквизиции и 200 пеших постоянно сопровождали великого инквизитора, а ночью его дорогу освещали, как будто для целого отряда войска. Даже дома он ожидал руки убийцы и постоянно держал на столе рог единорога, которому приписывали силу останавливать действие яда. Торквемада умер 16 сентября 1498 года и погребен в Авиле, но инквизиция продолжала угнетать Испанию вплоть до первого десятилетия девятнадцатого века.

Глава IV. Преемники Торквемады

Диего Деца. – Новые законы о конфискации. – Вмешательство в торговые дела. – Новое изгнание евреев. – Начало обращения мавров. – Талавера и Хименес. – Восстание мавров. – Мориски. – Система изоляции и новые изгнания. – Люцерио. – Его жестокости и возмущение кордовцев. – Хименес – инквизитор. – Католическая конгрегация. – Испанцы требуют реформы инквизиции. – Хименес – защитник трибунала. – Его письмо к Карлу V. – Новый кодекс инквизиции. – Борьба кортесов с Карлом и трибуналом. – Уничтожение сословных привилегий. – Лютеране и инквизиция. – Эдикты Карла V. – Апостольская инквизиция. – Ван-дер-Густ и Тителман. – Политика Филиппа II. – Борьба с лютеранами в Испании. – Аутодафе 8-го октября 1559 года. – Инквизиция и мориски. – Результаты политики нетерпимости. – Инквизиция и литература. – Инквизиция за пределами Испании. – Иоанн Перес де Сааведра – Инквизиция в Германии и Франции. – Людовик IX. – Бомарше об испанской инквизиции. – Падение инквизиции в Испании и Португалии. – Всеобщая инквизиция. – Кардинал Караффа и его аксиомы. – Венецианская инквизиция. – Эхо нетерпимости в России. – Заключение

Вторым великим инквизиторм был Диего Деца, епископ Валенсии, покровитель Колумба и добродушный человек, по словам Геффле; по словам Льоренте, – фанатик, осудивший на сожжение 2.952 человека. Недовольство Рима Торквемадой не замедлило сказаться на его преемнике. Там решили раздробить испанскую инквизицию, и потому буллой 1 декабря 1498 года Деца был утвержден только в звании великого инквизитора Кастилии. Однако эта мера потерпела фиаско. Деца отказался принять эту должность, пока не распространили его власть и на королевство Арагонию. Папа должен был уступить – такова была сила испанской инквизиции.

В заботах об увеличении этой силы Диего Деца не уступал своему предшественнику. Он издал новые законы о конфискации и вместе с тем увеличил число преступлений, подлежащих суду инквизиции, объявив таким преступлением взимание процентов по ссудам. Согласно арагонской конституции это было нарушением прав арагонцев, но инквизиция, опираясь на сочувствие правительства, не считалась уже ни с правами, ни с привилегиями. В этом отношении она являлась деятельною

помощницей королевской власти в стремлении последней уничтожить сословное влияние на дела государства.

Неуклонное продолжение политики Торквемады – такова была программа Диего Децы. По его настояниям указ 1492 года был применен к евреям, временно пребывавшим в Испании, и хотя это распоряжение наносило новый удар испанской торговле, желание инквизитора все-таки было исполнено. Еще серьезнее по последствиям были начинания Децы в Гренаде. Хотя маврам обещали по договору свободу вероисповедания, однако правительство считало себя вправе распространять христианство в стране неверных, и от мер увещевания постепенно перешло к принуждению. Тотчас по завоевании Гренады туда был назначен архиепископ Талавера, но с мирною миссией проповедовать слово Божие и управлять молодою епархией. Талавера не переходил за границы своей обязанности и не замедлил приобрести симпатии мавров, которые называли его “великим альфаки” и с удовольствием слушали его назидания. В 1499 году к Талавере присоединился Хименес Циснерос, архиепископ Толедский и примас Испании. Первые действия его были осторожны. Он беседовал с мавританским духовенством, осыпал его подарками и благодаря этим приемам через два месяца крестил 4 тысячи мавров. В часы молитвы над Гренадой уже разносился церковный благовест, но это доказательство торжества христианства казалось Хименесу слишком незначительным, и он решил поступить энергичней. Он приказал развести костер на площади и сжечь на нем до восьмидесяти тысяч экземпляров корана и других книг арабов, исключая медицинские, которые были перенесены затем в Алькалу, в библиотеку основанного Хименесом университета. Результаты этого варварства, вероятно, не предвиделись Хименесом: мавры возмутились и с оружием в руках кинулись к жилищу архиепископа. Целую ночь защищался он, осажденный в своем доме, и только подоспевшая помощь из Альгамбры спасла его от мести повстанцев, но возмущение продолжалось еще восемь дней. Усмирению бунта помог все тот же кроткий Талавера. В сопровождении одного только капелана, который нес перед ним архиепископский крест, он пришел в ряды повстанцев и произвел своим появлением такую сенсацию, что раздраженные мавры смирились и стали целовать одежду “великого альфаки”. Вслед за этой идиллией наступила очередь репрессий... Ревнителям благочестия восстание послужило на пользу: правительство нарушило гренадский договор и предложило маврам на выбор или креститься, или подвергнуться наказанию за бунт. Часть гренадцев крестилась, другие же бежали в горы и вскоре с оружием в руках сделали попытку вернуть себе независимость. После первых удач эта

попытка кончилась поражением восставших, большинство которых приняло затем христианство, сохранив язык, одежду и обычаи, и лишь немногие оставили пределы Испании. В среде населения последней мавры-магометане находились теперь в Кастилии, Леоне и Аррагонии, но чтобы предупредить их влияние на морисков Гренады, правительство решило образовать между севером и югом государства полосу земли, свободную от магометан, и приказало 12 сентября 1502 года всем некрещеным маврам Кастилии и Леона – мужчинам с четырнадцати лет, а женщинам с одиннадцати покинуть Испанию к концу апреля того же года. Таким образом, магометане остались только на севере Испании, в королевстве Аррагонии.

Чтобы следить за верностью религии гренадских перекрещенцев, Деца убедил правителей распространить на Гренаду власть кордовского инквизитора. Этот инквизитор был Родригес Люцерио, яркий тип служителя нетерпимости. Для Люцерио не существовало никаких законов: он и правых, и виновных безразлично заключал в темницы, подвергал жестоким истязаниям и выводил на костры. Его подчиненные шли еще дальше, они неистовствовали по тюрьмам, вымогая деньги и насилуя женщин и девушек. В числе жертв Люцерио или Тенебрерио, т.е. Мрачного, как прозывали его за жестокость, оказался даже архиепископ Гренады Талавера. При помощи подкупленных свидетелей Талавера был обвинен в иудействе и как еретик заключен в тюрьму вместе с многими из родственников. Только вмешательство папы избавило его от правосудия Тенебрерио.

После смерти Изабеллы, 26 ноября 1504 года, кастильская корона перешла к зятю покойной Филиппу I. Первым делом нового правителя было устранение Децы. Вместо него великим инквизитором король назначил Гуцмана, но через три месяца Филипп умер, и Деца снова вернулся к власти. Раздраженные этим жители Кордовы решились силою уничтожить инквизицию и, напав на судилище, освободили его узников и прогнали чиновников трибунала. На этот раз Деца добровольно отказался от звания инквизитора. Фердинанд V был в это время регентом Кастилии, Хименес Циснерос был назначен ее великим инквизитором. Третий глава кастильской инквизиции был достойным преемником Торквемады по влиянию на дела государства. Он получал это влияние уже как примас Испании и канцлер Кастилии, но личные таланты еще более способствовали его возвышению. Его считали равным по учености Августину, по религиозной ревности – Амвросию, по аскетизму – Иерониму. Ему принадлежит основание университета в Алькале, как

нашему Никону, исправление священных книг и реформы в среде духовенства, где до Хименеса, по словам Мартира, проповедники были так же редки, как белые вороны. В лице Хименеса, едва ли не в последний раз, архиепископ является воином, на собственные средства предпринимает поход в Африку и завоевывает Оран. Ему же принадлежит совет Фердинанду завести постоянное войско, корона Испании обязана ему победою над дворянами, началом разрушения древних вольностей сословий и городов, а инквизиция – энергичной поддержкою в годину всеобщего негодования против нее. Назначение Хименеса великим инквизитором состоялось 18 мая 1507 года, но только в Кастилии, в Арагонии был свой глава трибуналов – епископ викский Иоанн Энгуэра. Правда, после смерти Энгуэры, в 1516 году, Хименесу предлагали его место, но он не принял этой должности и указал на Адриана, впоследствии четвертого великого инквизитора всей Испании и папу римского.

Тяжелое наследство оставил Хименесу Диего Деца. Общественный голос требовал суда над Люцero, и в то же время надо было сохранить неприкосновенным идеал Торквемады. Чтобы выйти из этого затруднения, Хименес собрал в Бургосе в 1508 году так называемую католическую конгрегацию, инквизиторов Кастилии и Арагонии, епископов и высших чинов Испании. По решению этого съезда жертвы Люцero были оправданы: как живые, так и мертвые, честь их восстановлена, конфискованное имущество возвращено, но сам виновник был только отстранен от должности и, отсидев немного в тюрьме, отправлен в Альмерию, где продолжал исполнять обязанность каноника... Съезд объявил, кроме того, что насилия над узниками инквизиции будут наказываться смертной казнью, но эта угроза никогда не приводилась в исполнение, хотя поводов к тому было немало. Такие распоряжения не могли, конечно, удовлетворить испанское общество. Оно с восторгом встретило оправдание и реабилитацию невинных узников Люцero, но хотело в то же время получить на будущее время гарантию, что кордовские события не повторятся, и потому требовало гласности инквизиционных процессов. Арагонские кортесы, со своей стороны, жаловались, кроме того, что инквизиторы вмешиваются в сборы податей, обращаются дерзко с городскими властями и претендуют на право судить не только ереси, но и другие преступления, например, некромантию. Кортесы просили Фердинанда соблюдать обычаи и законы страны, что было обещано его присягой, но король отложил ответ на два года и затем, опять собрав кортесов и выслушав их проект реформы инквизиции, упросил папу освободить его от присяги. Однако кортесы так явно выразили свое

намерение не подчиняться желаниям Фердинанда, что испуганный король отказался от папского разрешения и даже просил его святейшество утвердить мнение кортесов.

Хименес разделял стремления Фердинанда парализовать давление испанского общества. Когда мараносы, желая добиться гласности инквизиционного процесса, предложили Фердинанду 600 тысяч дукатов на военные издержки, он из собственных средств подарил королю не меньшую сумму и сохранил неприкосновенность трибуналов. Точно так же поступил он при Карле V, преемнике Фердинанда. Тогда все университеты и ученые Испании и Фландрии присоединились к оппозиции и ходатайствовали о реформе инквизиционных процессов, а мараносы опять предлагали деньги, 800 тысяч золотых талеров, но Хименес и тут оказался победителем.

“Великий католический король и милостивейший государь, – писал он по этому поводу к Карлу V, – ваше величество должно знать, что католические короли (т.е. Фердинанд и Изабелла) занимались трибуналами святой инквизиции с такой заботливостью и изучали ее законы и распоряжения с такою внимательностью, добросовестностью и мудростью, что эти законы не имеют решительно никакой надобности в изменениях и не могут быть изменены без нарушения справедливости. Эта реформа тем более опечалила бы меня теперь, что она дала бы каталонцам и папе новое оружие против инквизиции, против которой они так враждебно настроены. Я понимаю, как затруднительно ваше финансовое положение, но в этом случае положение короля Фердинанда, вашего деда, было еще затруднительнее, и хотя новообращенные предлагали ему 600 тысяч дукатов золотом на войну с Наваррой, он отказался от этих денег, потому что предпочитал любовь к христианской религии всему золоту мира (на самом деле Фердинанд только предпочел деньги Хименеса деньгам мараносов). Я прошу вас поэтому, с верностью подданного своего государя и с ревностью к обязанности, которою облачило меня ваше величество, я прошу вас открыть глаза, подражать примеру вашего деда и не допускать никаких изменений в процессе инквизиционного трибунала. Все замечания, представленные противниками этого трибунала, были уже рассмотрены вашими предшественниками славной памяти, и нельзя нарушить малейшего закона инквизиции, не оскорбляя имени Господа и памяти ваших знаменитых предков. Если же все это не произведет на вас никакого впечатления, я прошу ваше величество обратить внимание на происшествие в Талавере де ла Рейна, где еврей, недавно крещенный, узнав имя донесшего на него инквизиции, выследил этого доносчика и пронзил

его копьем. Ненависть к этим доносчикам на самом деле такова, что если открыть их имена, то их будут избивать не только тайно, но на площадях, всенародно, даже в храмах, и никто не решится на будущее время рисковать жизнью, донося инквизиции, и *тогда погибнет* этот святой трибунал, и дело Господа останется без защитников. Я верю, что ваше величество, мой король и повелитель, останется верно крови, которая течет в его жилах, и убедится, что инквизиция – трибунал Бога и одно из самых лучших учреждений ваших предков”...

Карл действительно убедился в этом, но не сразу. Под влиянием своего наставника Вильгельма де Круа и великого канцлера Сельваджио он решил было на реформу инквизиции и дал кортесам торжественное обещание принять новый кодекс трибунала. Еще в феврале 1518 года, когда в Вальядолиде были собраны кортесы Кастилии, святой трибунал инквизиции подвергся дружному натиску представителей государства. “Мы умоляем ваше величество, – говорили эти представители, – настоять, чтобы святой трибунал инквизиции отправлял правосудие по законам, чтобы злые были наказаны, а невинные оправданы согласно каноническим постановлениям и общему праву”... В подкрепление своей просьбы кортесы послали королю через Сельваджио 10 тысяч дукатов и обещали дать еще столько же, если будут исполнены их желания. Составители его требовали, чтобы предварительное заключение в тюрьмах не было наказанием, а только заключением, чтобы узники могли видеться с своими родными, друзьями и с теми, кто интересовался их судьбою, и могли бы избирать себе защитника. Кортесы не считали нужным соблюдать таинственность процессов и потому проектом нового кодекса узаконивали выдачу подсудимому копии обвинения и притом с указанием свидетелей. По их мнению, боязнь обнаружить имена доносчиков могла иметь место разве при суде над высокопоставленными лицами, располагающими властью для мщения обвинителям, но на этот случай кортесы требовали от судей присяги как гарантии, что тайна свидетелей действительно необходима для спасения последних. Кортесы ограничивали также применение пытки, а вечное тюремное заключение отменяли совсем, потому что, говорили они, там умирают от голода и не могут молиться. Они просили в то же время уничтожить постановления, которыми запрещалось принимать в монастыри потомков мараносов, и ссылались на пример самого Бога, не взирающего на происхождение, и наконец на то, что это запрещение открыто оскорбляет божественные и человеческие права. Но еще более неприятны были для инквизиторов стремления кортесов ограничить конфискацию и придать ей, до окончательного приговора,

характер временной описи имущества, причем подсудимый мог бы расходовать это имущество на содержание детей и жены и на оплату судебных издержек. Эта мера несомненно имела весьма важное значение, потому что давала в руки обвиняемого возможность защиты, между тем как, по установившемуся обычаю, заключение в инквизиционной тюрьме было своего рода гражданскою смертью и вследствие этого доставляло обширный простор для всякого насилия над личностью.

Опираясь на присягу короля произвести реформу инквизиции, аррагонские кортесы послали проект этой реформы на утверждение папы Льва X. Но пока тянулись двухлетние хлопоты об этом утверждении, инквизиторы не дремали и арестовали в Сарагосе секретаря кортесов. В ответ на это насилие постоянная депутация открыла новое собрание. Карл приказал распустить его, но кортесы ответили, что аррагонские короли не имеют права нарушать законы, и затем издали декрет, запрещающий сбор налогов впредь до исполнения королевского обещания. Папа тоже вооружился в это время против испанской инквизиции и приказал было инквизиторам оставить свои должности, но ему не хватило мужества довести дело до исполнения, и даже, по просьбе Карла, он отменил свое распоряжение. При таких обстоятельствах, конечно, трудно было рассчитывать на исполнение желаний кортесов, и действительно, кроме освобождения секретаря собрания, представители сословий не добились ничего.

Не одно намерение поддержать инквизицию руководило Карлом в столкновении с кортесами. Это было продолжение давней борьбы испанских королей с привилегиями сословий, результат их стремлений сделать свою власть неограниченной и управлять страной по усмотрению.

Возникновение народных привилегий в Испании было тесно связано с освобождением ее от власти арабов. Когда оттесненные в горы предводители испанцев начали первые попытки к этому освобождению, они привлекали к себе воинов, наделяя их льготами, в отвоеванных провинциях создавали города и, в возмещение риска от соседства с арабами, давали их жителям права самоуправления и прочее. Таким образом возникли кортесы, представительные собрания дворян, духовенства и горожан, принимавшие участие в законодательстве, в контроле над финансами и судебною властью. В Аррагонии существовал даже высший судья, великий хустисия, который имел власть призвать граждан к оружию в случае нарушения их прав. Но по мере того, как падало могущество арабов, испанские короли стали стремиться уничтожить привилегии сословий. Сама благочестивая Изабелла искала

случая нарушить вольности кортесов и говорила, что ее величайшим желанием было бы восстание арагонцев, что позволило бы уничтожить их права. Этот случай представился Карлу V при деятельном участии инквизиции. В 1520 году недовольные королем и видя его стремление уничтожить старинные привилегии, сословия восстали под начальством Хуана Падильи и после несчастной для них битвы при Вильяларе потеряли почти всю свою самостоятельность. При Филиппе II и в Кастилии, и в Арагонии на развалинах средневековой свободы уже процветала система правления на четырех основах – машинально-пассивном повиновении, страхе инквизиции, конфискациях и казнях. На этой тучной почве наследие Торквемады разрослось и зацвело с дотоле невиданным блеском. В 1520 году инквизиция добилась у короля нового указа об изгнании мавров, которые ютились еще в Арагонии и Кастилии. Разрешение остаться в Испании давалось только желавшим креститься, но мавры попытались силою отстоять свою религию и хотя не успели в этом, однако получили право сохранить язык, одежду, оружие и право платить налоги наравне с коренными испанцами. Получив эти льготы, они крестились, и таким образом все мавры Испании обратились в морисков.

Среди этих домашних хлопот для инквизиции создавалась новая арена для подвигов – к Пиринеям подвигалось лютеранство. Пророчество Гуса сбылось: на смену малой птице “явились другие, которые взмахом своих крыльев поднялись выше западни врагов”. Карл V не мог остановить этого полета, он не решился краснеть, подобно Сигизмунду, но зато начал неумолимо преследовать лютеран в своих владениях. 11 марта и затем в сентябре 1520 года он издал указы с повелением всех, обличенных в ереси, казнить на эшафоте, в яме или на костре, то есть обезглавливать, зарывать живыми в землю или сжигать. К категории этих еретиков относились все читатели, переписчики и продавцы лютеранских сочинений, участники протестантских сходов, хозяева домов, где устраивались эти сходки, все, спорившие публично или дома о священном писании и защищавшие и проповедовавшие учение лютеран. Имение казненных приказывалось конфисковывать и отдавать доносчикам, судебным местам не оказывать преступникам никакого снисхождения, а ходатаев о помиловании наказывать. Специально для борьбы с лютеранами Карл V учредил в Нидерландах так называемую апостольскую инквизицию и назначил члена брабантского провинциального совета Франца Ван-ден-Густа генерал-инквизитором Брабанта, графства Фландрии, Зеландии и южной Германии. По словам Мотлея, это был злейший враг науки, а его помощник кармелитский монах Николай Ван-Эгмонд – умалишенный с оружием в

руках. Назначение Ван-дер-Густа состоялось в 1521 году, но через два года его отставили за фабрикацию фальшивых документов. Первое время лица духовного звания не подлежали суду брабантского советника, но папа Климент VII, во внимание к мудрости и великой религиозной ревности фальсификатора документов, распространил его власть и служителей церкви. При наследнике Карла, Филиппе II, особенно славился свою жестокостью инквизитор Петр Тительман. “Рассказывают, – говорит про него Мотлей, – будто он день и ночь разъезжал по стране, совершенно один, размозжал дубиною головы трепещущим поселянам, далеко распространял вокруг себя ужас, хватал заподозренных у домашнего очага или с постели, бросал в тюрьму, пытал, вешал, жег, без всякой тени следствия или письменного акта”... Впрочем, при Филиппе II испанская инквизиция тоже вмешивалась в дела Нидерландов. 16 февраля 1563 года, не довольствуясь пролитой уже кровью, она приговорила к смерти всех жителей Нидерландов как еретиков, а через 10 дней королевская прокламация подтвердила это постановление с указанием не обращать внимания ни на возраст, ни на пол, ни на состояние. Эта мера была достойна Филиппа II, который говорил, что лучше совсем не царствовать, чем царствовать еретиками. Его желание сбылось, хотя против воли и неожиданно: 26 июля 1581 года Нидерланды объявили себя независимыми, исключая валлонских провинций. Политика нетерпимости начинала приносить плоды.

С неменьшей яростью набросился Филипп на протестантов Испании. Из Рима ему помогал папа Павел IV, в Испании – великий инквизитор Фернандо Вальдец. Как только были изданы королевские указы о преследовании еретиков, шпионы инквизиции рассеялись по всей стране. Арестовывать было приказано без пощады, по малейшему подозрению, и в первый же день в одной Севилье арестовали 800 человек. В тюрьмах не оказывалось наконец места для этих узников, в места заключения пришлось обратиться монастыри и частные дома. “Инквизиторы, – говорит Прескотт, – были в положении рыболова, который, закинув сеть, с трудом может тащить ее, потому что она рвется от тяжести попавшей в нее рыбы”... Суд над узниками воскресил мрачные времена Торквемады и Люцero со всеми ужасами пристрастного допроса. Через 18 месяцев после первого ареста испанская инквизиция уже отпраздновала первые аутодафе в Вальядолиде, Гренаде, Толедо, Барселоне и Севилье. Самое торжественное происходило, опять в Вальядолиде в присутствии Филиппа II, 8-го октября 1559 года. На площади перед собором св. Франциска была устроена платформа, покрытая коврами и орнаментами, для членов

судилища, против нее – королевский балкон, на середине – громадный эшафот. В 6 часов утра со всех церквей раздался благовест, возвещая о начале церемонии. На площадь в традиционном порядке прибыла процессия монахов, инквизиторов, осужденных и стражи. Филипп сидел на своем балконе, около него принцесса Иоанна, инфант Дон-Карлос, племянник короля Александр Фарнезе, иностранные послы, гранды королевства и духовные особы. Речь произносил епископ Куэнский. Когда он кончил, Вальдец громко воскликнул: “Господи, помоги нам!” – и стал приводить короля к присяге. “Ваше величество, – сказал он, – клянётесь ли крестом шпаги, на которую опирается ваша королевская рука, вечно поддерживать святое учреждение инквизиции против еретиков, отступников и покровителей их и доносить о всех действиях и словах их, которые дойдут до вашего высочайшего сведения?” Филипп ответил громко: “Клянусь!..” После чтения приговоров великий инквизитор отпустил грехи примиряемым с церковью, хотя большинство их все-таки было наказано, одни – вечным заключением, другие – продолжительным покаянием и все – конфискацией имущества. Осужденные на сожжение были преданы светской власти. Измученные пытками, они мужественно ожидали смертной казни. Большинство воспользовалось, впрочем, снисхождением, они исповедовались и были удушены перед сожжением. Только двое оказались упорными до конца. Один из них был Дон-Карлос де-Сасо, флорентийский дворянин, ревностный лютеранин и проповедник лютеранства. Его вина усиливалась сочинением против католической церкви. 15 месяцев сидел он в тюрьме, но до конца оставался верен своим убеждениям. Когда накануне казни ему прочли смертный приговор, он попросил бумагу и написал обличение католицизма и апологию лютеранства. Отправляясь на костер, Дон-Карлос остановился около королевского балкона и грустно воскликнул: “Зачем ты мучишь своих невинных подданных?..” “Если бы мой сын, – ответил ему Филипп, – был еретик, – я сам сложил бы костер, чтобы сжечь его...” Другой упорный еретик был доминиканец Доминго де Рохало, сын маркиза Позы. Когда после чтения приговора с него сняли монашескую рясу и заменили ее санбенито – со времени Хименеса с андреевским крестом – он несмотря на смех невежественной толпы начал громко обличать жестокости и изуверство Рима. Раздраженный Филипп приказал надеть ему gag, кусок расщепленного дерева, которым захватывали губы... Филипп готов был надеть этот gag всем испанцам, потому что усердие его в преследовании ереси не знало предела и все казалось ему недостаточным. В порыве ревности к религии он учредил даже особую инквизицию, галерную и

флотскую, как будто боялся, что если не на суше, то на море от него спасется какой-нибудь еретик. Инквизиторы спешили пользоваться изуверством Филиппа и хотели получить от него разрешение образовать особое воинство на защиту религии под названием Ордена Марии белого меча. У них уже была своя стража, которая усвоила себе имя прежней городской милиции, святая Германдала, но учреди король просимый орден, наследники Торквемады могли бы держать в страхе самих королей. На беду святого трибунала кто-то дал понять Филиппу, какую опасность представляла бы короне инквизиционная милиция, и привыкший властвовать король поспешил отказать инквизиторам. Во всем остальном он был рабом трибунала.

Побуждаемый своими слугами, он по примеру своих предшественников не оставил в покое морисков. В 1566 году он приказал им отказаться от национальной одежды, языка и обычаев и во всем сообразоваться с христианами. В три года они должны были изучить испанский язык и по истечении этого срока не читать и не писать по-арабски. Гренадскому суду было приказано в тридцать дней уничтожить все предосудительные книги, а другие разрешалось хранить, но не более как три года. Даже бани и ванны в частных домах уничтожались, чтобы изгладить всякую память о привычках магометан. При Филиппе III в 1609 году поступили проще: тогда решили совсем изгнать морисков. Об этом ходатайствовал Сандоваль, генерал-инквизитор и канцлер Испании. “Решение великое, да будет оно исполнено”, – сказал король на доклад министра Лермы об изгнании морисков. Исполнение этой меры духовенство приветствовало как великое благо Испании. Архиепископ Валенсии сулил испанцам как результат изгнания морисков богатство и счастье евреев во времена Соломона.

“Таким же счастьем, – говорил он в своей проповеди, – будем наслаждаться и мы в Испании отныне впредь благодаря милосердию нашего государя отеческой заботливости его величества. У нас всего будет в изобилии: земля оплодотворится, и благословение снизойдет на нее. С тех пор, как эти проклятые окрестились, не было ни одного хорошего урожая. Теперь все годы будут урожайные, ибо эти гады навлекли своею ересью и своим богохульством бесплодие на землю. Всего, повторяю вам, будет у нас в изобилии”...

Пророчеству архиепископа не суждено было сбыться. Изгнание миллиона морисков, искусных земледельцев и промышленников, после прежних изгнаний, начиная с евреев, окончательно обессилило Испанию. Целые округа остались пустынными, приютами бродяг и разбойников,

промышленность и торговля расстроились, земледелие упало... Политика произвола и нетерпимости принесла наконец все плоды, кроме изобилия, которое обещал архиепископ Валенсии. В 1667 году французский посол писал Людовику XIV, что нужда так велика в Испании, что с частных лиц собирают добровольные приношения. В этом же году пришлось отказаться от обложения народа новыми налогами, а старые подати собирать с понуждением силою. В 1680 году общее бедствие дошло до того, что в Мадриде даже торговцы соединялись в шайки и грабили состоятельных граждан. Одна война с Нидерландами стоила Испании 200 миллионов дукатов, а государственный долг возрос в царствование Филиппа II с 35 до 140 миллионов дукатов. Однако политика нетерпимости так въелась в характер испанцев, что в 1619 году профессор толедского университета дон Санчо де-Мекало предложил королю довершить объединение страны изгнанием цыган, “потому что, – говорил он, – постыдно терпеть такую вредную и развращенную нацию”... Этот проект профессора как нельзя лучше оправдывал мнение герцога Сен-Симона об испанской науке. Как писал он в 1722 году, наука в Испании была в пренебрежении, а невежество и тупость считались добродетелями.

Среди гонений на свободу совести литература тоже влачила жалкое существование. Еще во времена первой инквизиции в римском, миланском и тулузском трибуналах инквизиторы рассматривали еврейские и латинские сочинения. Если в книге находили что-либо еретическое или темное, или подозрительное, то ее запрещали совсем или требовали изменений и исключений. Даже отцы церкви не спасались от усердия инквизиционных цензоров, и целые страницы вырывались из их творений, особенно те, где говорилось о веротерпимости и вообще обнаруживался образ мыслей, способный пошатнуть существующий порядок вещей и ниспровергнуть власти, установленные Богом. Впрочем, светские власти не особенно дружелюбно взирали на претензию инквизиции заправлять литературой и где могли уносили от святейших очей возмущавшие их книги. Сами авторы спасались анонимами или более или менее отдаленными путешествиями, что, конечно, не всегда удавалось. Как все проявления нетерпимости, цензура в особенности была строга в Испании и с 1521 по 1535 год рядом декретов была поручена инквизиторам. В 1543 году даже книги о биржевых операциях помечались “цензуровано синьорами инквизиторами”, и сами авторы спешили заручиться этой спасительной гарантией. В семидесятых годах XVI столетия книгопродавцы не смели развязывать тюки с книгами, которые присылались из Франции, и должны были ожидать визита инквизитора. Цензоры были снабжены тогда

секретными списками запрещенных книг с приказом никого не знакомить с содержанием этих списков. Таким образом, испанский читатель даже не ведал, что читать и от чего спастись в бегстве из страха перед властью инквизиции. Чтобы защитить свои книги от подозрительности трибунала, авторы стали снабжать свои издания подобострастными предисловиями и посвящениями святым и Спасителю. В 1664 году прозаический перевод Овидиевых “Метаморфоз” был посвящен “чистейшей Царице ангелов и людей, святейшей Марии”... Не одни жалкие душонки, полные трепета за свои творения, упражнялись в этого роде литературы, но даже корифеи Испании. “Матери лучшего из сынов, дочери лучшего из отцов, – писал Кальдерой в своем посвящении, – непорочной Деве, башне из слоновой кости, царице ангелов, утренней звезде”... Театр, уступая общему настроению, тоже не оставался свободным от этих порывов ханжества... “Императрице неба, матери вечного Слова, святейшей Деве Марии, – говорилось на одной афише, – посвящают артисты сегодняшнее представление и сыграют в ее пользу и в пользу увеличения ее культа занимательную комедию под названием “Всеобщий наследник”... Славный Ромен будет танцевать фанданго, зала будет иллюминирована”... Остается прибавить, что знаменитый Лопе де-Вега служил в инквизиции и, по рассказам, принимал деятельное участие в сожжении еретиков.

Не в одной Испании свирепствовала инквизиция, дух нетерпимости покровительствовал ей и в других странах, но только в одной Испании и подвластных ей землях она превзошла даже идеал Торквемады. Открытие Америки занесло ее в колонии, и еще Карл V, ярый сторонник нетерпимости, приглашал инквизиторов к умеренности в отношении американских туземцев. При Фердинанде V испанцы навязали инквизицию Сицилии несмотря на многократные восстания населения. То же готовилось и в ту же пору для Неаполя, но энергия неаполитанцев сломила стремления инквизиторов, и Фердинанду пришлось отказаться от удовольствия видеть своих итальянских подданных в когтях трибунала. Он просил в заключение только изгнания евреев, но и в этом ему было отказано. В 1536 году инквизиция была введена в Португалии. Ее насаждению в этой стране помогал Иоанн Перец де-Сааведра, так называемый ложный нунций Португалии. Этот предшественник Хлестакова чрезвычайно искусно разыгрывал роль папского нунция и пользовался почетом и поборами во имя апостольской миссии. Его обман был обнаружен, обманщика сослали на галеры, даровав, впрочем, вскоре амнистию за услуги вере, но инквизиция все-таки зацвела в обмороченной им стране и затем распространилась по колониям Португалии. Особенно

сурово было ее отделение в Ост-Индии, в колонии Гоа. В Германии инквизиторы появились еще задолго до Торквемады, но торжество лютеранства не замедлило свести ее к чуть заметному существованию по католическим владениям. Гораздо дольше существовала она во Франции. Она нашла здесь покровителя в лице набожного Людовика IX или Святого. Людовик IX был воплощением благочестия в тесной связи с нетерпимостью. Он говорил, что рыцарь должен не спорить о религии, а поражать насмерть ее хулителей. Он сам поступал по этой программе. В 1259 году он услышал на одной из парижских улиц хулу на Бога и велел сейчас же схватить виновного и заклеить ему губы раскаленным железом, потому что, по его собственным словам, он скорее позволил бы искалечить самого себя, чем допустить такие кощунства. Подобно испанским королям, Людовик ненавидел евреев, а в 1268 году изгнал из своих владений 150 банкиров как нечестивых ростовщиков и конфисковал их имущество. В его нетерпимости не было, по крайней мере, той холодной жестокости рядом с внутренним нечестием, каким отличались впоследствии инквизиторы Испании. Людовик был скорее монах, чем король. Он шесть раз в году причащался и всякий раз с экстазом верующего первых времен христианства. Он мыл руки и рот, прежде чем подойти к Святому Телу, и подходил на коленях, скрестив на груди руки, с громкими воплями и вздохами. Какая-то женщина в глаза сказала ему с пренебрежением, что было бы лучше, если бы кто другой управлял Францией, а не он, Людовик, король миноритов, доминиканцев и попов, и даже сожалела, зачем не выгонят его из государства. Слуги хотели побить обличительницу, но Людовик запретил это и смиренно согласился с ее словами. “Вы правы, – сказал он ей, – я не достоин быть королем, и если бы не воля Господа, было бы лучше, если бы более способный управлял королевством”... Преемники Людовика продолжали покровительствовать инквизиции, даже в эпоху раздоров с Римом, и звание инквизитора сохранилось во Франции почти до самого кануна великой революции. Однако уже в XVII столетии французы с нескрываемою ненавистью к инквизиции и вместе с торжеством присутствовали на представлениях “Тартюфа”, под светской одеждой которого, только против воли автора, скрылась сутана монаха.

В шестидесятых годах XVIII столетия в высшем мадридском обществе блистал веселый путешественник и прожектер, отозвавшийся с большою похвалою об умеренности инквизиции, с откровенностью о ханжестве и довольно решительно о скверных дорогах. Он не смутился даже при виде списка запрещенных для испанских читателей книг и только довольно

язвительно заметил о сокровищах библиотеки Эскуриала, что эти сокровища, драгоценные для французского ученого, в Испании являются предметами бесплодного любопытства. Этот путешественник был знаменитый Бомарше, один из пособников французской революции, по ошибке туриста оказавшийся апологетом инквизиции. Впрочем, к концу XVIII столетия испанская инквизиция была только бледною копией когда-то могучего трибунала. Она существовала еще, но истощенное ею государство уже искало выхода из заколдованного круга узкого национализма и нетерпимости и плохо питало ревнителей благочестия. Нужен был только внешний толчок, чтобы обрушить еще стоявшие, но уже подгнившие подпорки инквизиции, и этот толчок был дан в 1808 году. Французы отблагодарили тогда испанцев за радушие к Бомарше и властью Наполеона уничтожили инквизицию. В двадцатых годах нашего века она погибла и в Португалии. Святейший трибунал инквизиции совершает с этих пор обратное движение и возвращается в столицу папы.

По испанскому образцу инквизиция была учреждена в Риме 21 июля 1542 года и носила название всеобщей. Главный ревнитель ее основания был кардинал Караффа, впоследствии папа Павел IV. Он так желал насаждения трибунала, что несмотря на ограниченность средств на собственные деньги нанял дом, устроил в нем комнаты для служащих, тюрьмы с крепкими замками и пытальную залу со всеми принадлежностями пытки. Ему же принадлежит составление правил римской инквизиции, которые он называл правдивейшими аксиомами, *comi assiomi verissimi*. Аксиома первая говорила, что в деле веры не следует медлить ни минуты, а приступать к розыску сейчас же по обнаружении ереси и притом с крайней строгостью. Аксиома вторая предлагала не обращать внимания ни на герцогов, ни на прелатов, как бы ни были они сановиты, а третья и четвертая грозили покровителям ереси и предлагали “не унижаться ни до какой пощады” в отношении еретиков... Сделавшись папою, Караффа сам воздвиг себе монумент, но после его смерти – в день Вальядолидского аутодафе в присутствии Филиппа – ненавидевшие этого папу народ и дворянство подняли в Риме восстание. Здание инквизиции было разрушено и сожжено, слуги ее избиты, а статуя Павла низвержена. Народ влачил ее голову в тройной тиаре по улицам города, но это поношение инквизиции и ее покровителя далеко не было еще гибелью трибунала. Этот трибунал можно считать существующим и доньше в стенах Ватикана, потому что папы до сих пор не издавали буллы о его упразднении. Последний документ римской инквизиции, обнародованный во всеобщее сведение, помечен 6-го февраля 1857 года. “Мы, брат Гиацинт

де Феррари, доминиканец, магистр богословия, генерал-комиссар святой римской и всеобщей инквизиции”, – таково начало этого документа. В нем говорится по поводу некоей Катерины Фанелли, выдававшей себя за святую, и объявляется, что святость ее мнимая и набожность притворная, – содержание довольно скромное для наследников Торквемады. Благодаря стараниям Караффы римская инквизиция проникла в Неаполь и Венецию. Впрочем, в республике св. Марка инквизиторов постоянно контролировали государственные чиновники и нередко выгоняли за нарушение законов страны. Как на особенность венецианской инквизиции можно указать, что осужденных ею еретиков не сжигали, а топили. Для этого между двумя лодками зажимали доску, на доску сажали еретика и затем по данному знаку гребцы принимались за весла, лодки расходились, и правосудие совершалось.

Как эхо западных веяний, в 1714 году звание инквизитора было узаконено в России. По указу Петра Великого, строителю московского Данилова монастыря, иеромонаху Пафнутию, повелевалось именоваться протоинквизитором, а по епархиям учреждались провинциал-инквизиторы. Они должны были выведывать и доносить, хорошо ли исполняют архиереи свои обязанности, не мздоимствуют ли они, правильно ли взимают налоги с раскольников. Им поручалось также следить, не появляются ли новые расколоучители, а также люди, “сказующие видения или слышания чувственные или сонные”, которых следовало под караулом отсылать в синод. Право суда дано им не было, им приказывалось “допросов у себя никому ни в чем не чинить и никого к тому не привлекать и не принуждать и ничем не озлоблять, а именно не ковать, не арестовывать, не бить”... Не трудно видеть отсюда, что Петр Великий вовсе не думал насаждать у нас инквизицию по образу католической и только пользовался ее терминологией, занимаясь упорядочением церковных дел. Религиозная нетерпимость существовала у нас задолго до Преобразователя, – это ясно для всякого, хотя немного знакомого с историей нашего раскола. Конечно, это не была инквизиция в узком смысле этого слова, но, как известно, дело не в названии, а в сущности. Эта сущность – нетерпимость, стародавняя спутница человечества, далеко не везде покинувшая его и поныне. Кое-кому еще приходится считаться с ее служителями, кое-где она еще готова прийти и судить, и если не приходит и не судит всенародно, с прежнею помпою и колокольным звоном, то, конечно, потому, что теперь не те времена и не те люди.

Источники

1. *Limborch*. Historia inquisitionis.
2. *Lorente*. Histoire critique de l'inquisition.
3. *Hoffmann*. Geschichte der Inquisition:
4. *Maistre*. Lettres a un gentilhomme russe sur l'inquis. espangnole.
5. *Осокин*. История альбигойцев и первая инквизиция.
6. *Touron*. Histoire des hommes illustres de l'ordre de St. Dominique.
7. *Галлуа*. Инквизиция.
8. *Bibliothèque franciscaine*. Le cardinal Ximenes avec une dissertation sur l'inquisition par le docteur Heffle.
9. *Бокль*. История цивилизации в Англии. – Т. II.
10. *Дрэнпер*. История умственного развития Европы.
11. *Lavallee*. Histoire des inquisitions religieuses.

notes

Примечания

1

Мы – неимущие христиане (*лат.*).